

Дмитрий Михайлович Володихин
Мастер побега
Серия «Обитаемый остров»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4585956
Дмитрий Володихин. Мастер побега: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45527-8

Аннотация

Молодой Чачу – еще не ротмистр. Молодой Дэк Потту – еще не Генерал. Молодой дядюшка Каан – уже профессор... Все они жили и мечтали о лучшем будущем. А из будущего к ним приближалась катастрофа. Им предстояло пережить крах великой Империи, а потом продолжить существование на ее обломках. А ведь когда-то «обитаемый остров» был цветущим...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Володихин

Мастер побега

*Холодно в моем городе,
Холодно...
Звенит на деревьях последнее золото.
И небо, как будто огромным молотом,
Сегодня поутру на части расколото...
И холодно,
В моем городе холодно...
А. Щербак-Жуков. «Холодно»*

Часть первая

2130—2132 годы по календарю Земли

Солдат

Шитые золотом львы на погонах. Шитые золотом петлицы на стоячем воротнике. Шитый золотом шеврон столичного гарнизона. Орден Орла на левой стороне груди. Коронационная медаль на шее. Фуражка с лазурным околышем. Высокие хрусткие сапоги из тонкой черной кожи. Усы, закрученные кверху, подобно двум непоколебимым флагштокам.

Перед толпой дезертиров стоял полковник императорской гвардии во всем великолепии.

Он улыбался.

Он пытался стеклом сбросить паучка с сиятельного голенища.

За его спиной выстроился патруль из полудюжины усатых кавалеристов на сытых конях. Плечистые, пышущие здоровьем, с начищенными бляхами, в новеньких мундирах. Румяный адъютант, спешившись, держал в поводу двух жеребцов – своего и командирского.

Конный патруль да участок разбитого танковыми гусеницами шоссе – шагов двести, не более, – отделяли толпу дезертиров от предместий столицы.

Полковник опустил руку.

– А теперь послушайте меня, братья-солдаты. Я не верю, что кто-то из вас оставил позиции за Голубой Змеей без приказа. Я не вижу здесь ни одного преступника. Все вы – жертвы недоразумения. У меня есть приказ сформировать прямо здесь, на месте, пехотную бригаду из... бойцов, временно оказавшихся вне строя. Все вы будете расписаны по ее ротам.

По толпе прокатился гул. Кто-то выругался, кто-то харкнул себе под ноги, посыпались злые смешки. «Перепишут и к стенке поставят!» – выкрикнули из гущи. Желаящих записываться не оказалось.

И все же полковник без страха смотрел на реку серых лиц, начинавшуюся в трех шагах от него и текущую куда-то за горизонт. Что, в сущности, такое все эти ребята в замызганных мундирах и с запыленными рожами? Запутавшиеся, опустившиеся существа, которым стоит дать еще один шанс. В худшем случае – жертвы ловкачей-агитаторов. Наверное, голодные. Они должны понять и должны подчиниться. В конце концов, подчинение у них в крови... Так-так, выглядят они совсем не безнадежно! Некоторые даже не поддались агитации левых и сохранили оружие. Хотя бы этот капрал... конечно, крючок на вороте расстегнут не по уставу, а пилотка больше похожа на... тьфу, Гайя просила отучиться от этого слова: «Хотя бы не при детях!», – но карабин он все-таки не бросил. И патронташ при нем, на ремне.

– Капрал, представьтесь как положено перед старшим по званию.

– Исполняющий обязанности командира роты тяжелого оружия 202-го истребительного батальона капрал Дэк Потту.

Солдат обязан отвечать штаб-офицеру громко и отрывисто, приняв стойку «смирно». Солдату самое место в штрафниках, если он отвечает медленно, тихо, дерзким тоном, отставив ногу и глядя куда-то в сторону. На полгода – как минимум! Не забыть эту фамилию... Но сначала капрал Дэк Потту закроет собой столицу от моторизованного кулака южан. Вместе с прочими дезер... бойцами, временно оказавшимися вне строя. А уж потом – в штрафники. И лучше бы всех, кто уцелеет.

– Я вижу, у вас серебряная медаль за отвагу, капрал.

Тот вяло потрогал блестящий диск, косо висевший на клапане кармана, но ничего не сказал в ответ.

– Данной мне властью я утверждаю вас на офицерской должности – командиром первой сводной роты! Пройдите к палатке с императорским штандартом... во-он туда... и штабной писарь оформит...

Капрал, все так же глядя в сторону, перебил его:

– Вы ведь из Ее Величества Гвардейского Конного? На фронте не бывали...

Это уж слишком! И голос у него... какой-то безразличный. Нельзя позволять этой швали! Ни при каких обстоятельствах.

– Не забывайте добавлять уставное обращение, капрал!

– «Уставное обращение» – это... это откуда-то из Империи... Точно. Из полевого устава... Я хорошо помню. Но... чтобы вы знали: для нас Империя кончилась... – произнес Дэк Потту и спокойно выстрелил полковнику в лицо.

* * *

За два года до того

...И месяца не минуло, как Гэш Каан, самый молодой профессор Императорского университета искусств, сменил простой черный пиджак на щегольский бархатный, цвета летних сумерек, а мятую рубашку в суповых пятнах – на ослепительно-белое совершенство с накрахмаленным воротничком. Он стал ходить, опираясь на трость с резным набалдашником из кости морского слона. Артистический галстук-бабочка в тон пиджаку дал коллегам повод для иронии: «Не решил ли многоуважаемый господин Каан сменить кафедру на театральные подмостки? Очень мило...»

Многие подозревали, что господин Каан неровно дышит к одной юной приват-доцентше, а именно девице Куур, дочери знаменитого литератора.

Некоторые склонялись к версии, согласно которой Теограна Куур и сама испытывает к профессору романтические чувства.

Избранное меньшинство получило приглашения на свадьбу, а заодно просьбу не распускать язык раньше времени. Профессор Каан и его молодая супруга желали преподнести академическому сообществу сюрприз.

И один лишь Рэм Тану, ученик профессора, знал больше, чем самые избранные из всех избранных. Больше него могли знать разве только сами жених и невеста.

Ему было доподлинно известно: галстук-бабочку, трость и пиджак цвета летних сумерек профессору подарила его возлюбленная – вслед за тем, как он положил ей на ладонь чудесное колечко. А колечко Гэш Каан коленопреклоненно явил милостивой государыне Теогране сразу после того, как узнал о другом своем подарке, сделанном чуть ранее и абсолютно ненамеренно. Тот подарок профессора долгое время вел жизнь невидимки. Но выдал себя с головой, когда заставил хрупкую барышню скушать на завтрак две копченые рульки с тостами и запить их тремя чашками горячего шоколада...

Это и случилось без малого месяц назад.

Профессор Каан и Рэм Тану шли по коридору университетского корпуса «Цветущая роза». Слева от них медленно проплывали массивные дубовые двери эпохи регентства с изящными золочеными вензелями. Слева бил из высоких окон щедрый август, отбеливая лица до крахмальной безупречности профессорского воротничка. Меж окнами застыли, приняв горделивые позы, августейшие покровители наук в массивных золотых рамах.

– Напрасно вы не занялись биоисторией. Напрасно, напрасно. Это я вам говорю.

– Я бы и рад, но...

– Но?

Рэм пригладил волосы пятерней. Очень решительно. Этот жест – последнее, что осталось в нем от провинции.

– Нет ничего интереснее людей. А с биоисторией... нет, я понимаю, костные останки убитых животных рассказывают нам, чем питались в первобытную эпоху...

– Не только в первобытную!

– Да, конечно же, не только в первобытную... А по частицам пыльцы можно сказать, какое у них там было растительное окружение... Разумеется. Я не спорю! Но есть все-таки соблазн с этой биоисторией – уйти от человеческих судеб к жизни зверушек.

Его собеседник усмехнулся.

– Вы отказываетесь от места в лаборатории, хотя такую должность никогда не предлагали студенту второго курса. Ни-ког-да! От основания Университета Вы, в сущности, держите.

Рэм посмотрел на него испуганно.

– Нет! Я и в мыслях...

– Можете не оправдываться. Просто незримые нити, коими прошито все пространство внутри академической машины, для вас – тайна за семью печатями. Вам, извините, двадцать лет, а вы их никогда не видели и, в сущности, видеть не желаете.

Рэм сделал в ответ нелепое движение руками: то ли взмахнул ими, словно птица, собравшаяся взлететь, но вдруг раздумавшая, то ли захотел выбить поднос у невидимого официанта, нагло вставшего прямо перед ним Чудо, а не движение.

– Вот-вот. Вы даже не понимаете, о чем я говорю. Впрочем... нет худа без добра. Вы просто знаете, чего хотите и куда вам следует двигаться. Вы уверены в... направлении движения, не так ли?

– Д-да Да. Знаете, книжные центры, процветавшие в эпоху Белой княгини...

– Стоп! Поберегите риторский запал для доклада Ваши интересы мне известны. Хорошо! Я сделаю так, что вашу невиданную дерзость стерпят. Знаете почему?

– Э... что – почему? Почему вы так сделаете? – Рэм с робостью поправил очки.

– Именно.

– Ну, вы хотите мне как-то помочь в моих исследованиях...

– Полное отсутствие политеса! Хорошо хоть при полном отсутствии тщеславия. Одно вас губит, другое покамест спасает.

– Почему же вы не дадите им съесть меня, господин Каан? – вежливо повторил вопрос Рэм.

Профессор Каан остановился у дверей в деканат.

– Вы очень хороши. Когда ваш отец по старому знакомству попросил меня присмотреть за милым мальчиком из приморского захолустья, я...

– Вы думали, я стану для вас обузой?

– Цыц! Органическое неумение не перебивать когда-нибудь дорого вам обойдется.

Рэм заулыбался.

– Да, я думал, из вас ничего не выйдет. На сегодняшний день вы – лучший мой ученик. Терплю вас только за ваш ум и чудовищную работоспособность. Понимаете вы это?

Студент почтительно поклонился.

– Пусть и другие терпят. И еще... При мне, разговаривая со мной, вы можете улыбаться подобным образом с другими преподавателями – ни в коем случае. Я уже не говорю о декане. Сегодня, когда будете делать доклад... вот! Именно так и не надо. Если, конечно, не хотите двигаться к магистерскому званию лишней год, два или даже пять.

– Как мне улыбаться не стоит? Каким способом? То есть каким образом? Я... Извините. Я действительно не понимаю.

– Так, чтобы все и каждый могли прочитать на вашем лице четыре фразы: «Все, что вы мне сейчас говорите, в сущности, не важно. Я размышляю об интеллектуалах времен Белой княгини. Вот это – важно! Не сбивайте меня».

– А почему при вас можно?

– Мне, в сущности, все равно. Я отлично помню, как сам был идиотом – точь-в-точь вы. Волшебное ощущение!

Рэм стер улыбку с лица. Она материализовалась снова. Рэм опять загнал ее куда-то в уголки губ, но они тут же предательски поползли вверх.

– Простите... я...

– Я понимаю, вы будете очень стараться.

– Если отбросить слова вежливости, то... да. Я постараюсь не быть идиотом для кого-либо, кроме вас.

– Удачи вам, Рэм. Потом расскажете.

– Спасибо, господин Каан. Я очень благодарен вам. Нет, правда. На самом деле! Ну что же вы...

Уголки губ Гэша Каана предательски поползли вверх.

Когда дверь деканата захлопнулась за профессором, Рэм подошел к окну. Часы на башне Торгово-промышленного собрания показывали полдень. До выступления оставалось сорок минут. Торопиться некуда.

Рэм задержался у окна, разглядывая великий город. Он здесь уже полтора года, но великолепие столицы все еще трогало его. Вон там, у дворца князей Гарату, он когда-то простоял больше часа, ожидая пышной церемонии, сопровождающей смену караула. Чуть дальше, на площади Страховых обществ, он, бывало, проводил день-деньской, обходя лотки и лавочки Антикварного рынка у питьевого фонтана видел однажды первопечатный фолиант!

А на мосту через канал перед зданием Биржи он впервые осмелился взять Дану Фаар за руку...

Мимо ажурной башни Радиоцентра медленно проплывал пассажирский дирижабль с надписью: «Бунт Южной федерации не останется безнаказанным!» Два юрких истребителя носились над ним, то устремляясь к Ботаническому саду, то пролетая поблизости от зданий Академического квартала, то проходя по длинной прямой над Арсенальным проспектом. За ними реяли тонкие длинные ленты цветов императорского штандарта, прикрепленные к хвостовым стабилизаторам. Послезавтра – день трехсотлетия династии. Трамваи с утра ездят все в цветах и воздушных шариках...

Как славно! Отличный день. Прохожие улыбаются друг другу в предвкушении больших торжеств. Солнце летит на небесной колеснице, обдавая сухим жаром столичные улицы. Жандармерия с утра перекрашивает бурое казарменное здание в белое и розовое... Даже извозчики не сквернословят.

Рэм высунулся из окна. Ветер трепал ему волосы. Молочник с жестяным бидоном и воронкой остановился, перевел дух, помахал рукой.

Рэм знал, что сегодня все будет хорошо, все ему удастся. Он знал, что перед ним – светлая прямая дорога на много лет, до самого горизонта.

Не важно, когда ему присудят магистерскую степень, а когда – докторскую. Древние даровали Рэму умственную вольность. Дух этой вольности живет у него в груди и никогда не подведет, не обманет, не даст сфальшивить.

Как говорил Мемо Пестрый Мудрец? «Мы – свет мира Наше служение – подниматься на холмы и освещать силой ума жизнь простых людей. Мы – светильники. Нам нет места в подвалах и низинах. Нам следует восходить к вершинам».

Сказано четыреста лет назад. Но разве жизнь с тех пор изменилась?

Просто тогда умели тремя строчками дать судьбе смысл и прямоту. Сейчас для этого пишут философские трактаты страниц на тысячу...

Пора.

Кружки, клубы, общества и комитеты, где собирались любители истории, занимали в столичной телефонной книге страницу с лишком. Все они устраивали званые вечера, вручали премии, созывали желающих на доклады знаменитостей. Но одно лишь «Императорское общество державной истории и древностей отечества» раз в месяц допускали в Зал ритуалов историко-филологического факультета. Потому что есть общества, а есть Общество. Два месяца назад в Зале ритуалов выступал почетный член Общества академик Гай Нанди. Месяц назад профессору Каану здесь вручали Большую золотую медаль Его Высочества наследника престола.

Сегодня здесь выступит студент второго курса.

На академика пришло человек семьдесят.

На профессора – человек пятьдесят.

Рэм Тану, отворяя дверь Зала ритуалов, предавался суетным размышлениям: сколько народу придет на него? Тридцать человек? Двадцать? Десять? Нет, быть того не может! За один сегодняшний день ему раз восемь задавали вопрос: «Можно, я приду?» И он отвечал, мол, так и так, всем буду рад, вход для всех свободный...

Зайдя внутрь, он сделал шаг, другой... и остолбенел.

Слушатели заняли все двести мест. Четыре ряда сидений, спускавшиеся амфитеатром к сцене, оказались набиты битком. Для тех, кто пришел слишком поздно, распорядители поставили стулья в боковых проходах. Кое-кто разместился на подоконниках.

Народ понемногу прибывал. До начала оставалось еще минут десять...

«Они... они пришли на меня, как на экзотику! Студентишка. Хотят увидеть мой позор...»

Нет, ему улыбались. Однокурсники, а еще того больше – однокурсницы. О, вон там, кажется, делают ставки. Ну, еще бы! Эти двое балбесов с четвертого курса примутся собирать ставки даже посреди землетрясения: десять домов рухнет или сорок? Было бы азартное зрелище.

«Точно, я – экзотика. Но, кажется, я – хорошая экзотика. Не позора они ждут, а какого-то чуда, что ли... Смешно».

Секретарь Общества взлетел к нему по ступенькам.

– Ну что же вы застыли? Пойдемте, пойдемте! – взял Рэма под локоток и уверенно повлек на сцену. – Вы не должны смущаться... Вы готовы? Профессор Каан уверил меня, что волнение вам не присуще.

– Я готов. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

Секретарь бросил на него удивленный взгляд.

За столом на сцене помимо секретаря сидел еще седобородый председатель Общества в виц-мундире с голубой орденской лентой через плечо. Кивнув Рэму, он вежливо осведомился:

– Вы готовы, молодой человек?

– Да.

– Тогда, думаю, ждать не стоит. Садитесь.

Он взялся за колокольчик. Требовательный звон разнесся по залу. Разговоры, споры, смешки немедленно прекратились. Пришла тишина. Лишь из-за окон доносилось цоканье конских копыт по булыжной мостовой да раздраженное брнчание трамваев.

Величественно поднявшись, председатель набрал воздуха в легкие и зарокотал – у него был на диво поставленный голос:

– Милостивые государи и государыни! Уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас от имени Общества...

По Залу ритуалов прокатился сдержанно-одобрительный гул.

– Сегодня у нас необычный день, – продолжал оратор. – Мы предоставляем трибуну молодому человеку...

«Собственно, на этих словах имело бы смысл закончить высказывание. Все главное уже сказано», – дальше Рэм не слушал. Все те этикетные выражения, которые председатель с бархатной академичностью нанизывал, представляя его, ценной информации в себе не содержали. Не стоило трудить уши.

Где-то тут должны сидеть персоны поважнее председателя. Во всяком случае, для него, Рэма, – поважнее. Таких немного. Честно говоря, во всем зале только два человека по-настоящему, без дураков, интересовали его.

Поискав глазами, Рэм нашел одного из них в первом ряду, слева от центрального прохода.

Академик Нанди смотрел на него со скептическим выражением лица. Ему под семьдесят, он лучший специалист по временам Белой княгини во всей Империи. И, по большому счету, он единственный человек во всем зале, кто до конца понимает то, о чем говорит и пишет Рэм. Горделивая мысль. Не следует поддаваться ей...

Одну из двух его публикаций академик разругал, вторую не заметил.

По правде говоря, правильно разругал. Писалось год назад, сейчас Рэм сделал бы ту несчастную статью в сто раз лучше. Поделом: никогда не надо торопиться с серьезными вещами. Академик флегматично поглаживал седую бородку. Выражение его глаз Рэм никак не мог разобрать из-за пенсне.

Второй сидел в боковом проходе справа. Вернее, вторая.

Дана Фаар.

Хорошо, если поймет половину из сказанного. До конца поймет, со всеми логическими мостиками, на которые просто не хватит времени, со всеми выходами в смежные темы, которые специалист видит без лишних комментариев, механически... Но сейчас Рэму не нужно ее понимание. Если надо, он потом объяснит. Дообъяснит. Допрозрачит. Сейчас Рэму требовалась ее улыбка. Очень-очень.

Дана не могла не прийти.

Это было бы крушение мира – если бы она не пришла. Вот она сидит, его Дана, тихонько разговаривая с подругой, которую зовут... которую зовут... да не важно.

Длинные прямые черные волосы, чуть-чуть не достигающие талии. Не худая, а скорее миниатюрная. Женщина с лицом маленькой девочки. Дана уже восемнадцать, а выглядит она на четырнадцать... когда надевает туфли с высокими каблуками. Детский тоненький голос и детские круглые щеки... когда она улыбается, щеки становятся еще круглее, они словно бросают вызов: «Ну, ты наконец поцелуешь нас или, как обычно, не осмелишься?» Глаза... сколько раз он пытался определить их цвет, но выходило нечто странное: глаза были – кошачье золото. Случаются ли в жизни оранжевые глаза? Или, скорее, что-то вроде озера

с прозрачной водой и самородками золота на дне? Один раз случились, вот они, но в такую невидаль трудно поверить.

Чаще всего взгляд Даны обращен... внутрь. Женщина-девочка разговаривает с кем-нибудь и смотрит внутрь себя. Отвечает преподавателю на семинаре и смотрит внутрь себя. Идет по Озерному бульвару и смотрит внутрь себя. Язвит – Дана не может не язвить, язва родилась раньше нее, и очень хорошо, когда ее язва спит, потому что, чуть она проснется, с ней нет никакого сладу, разве только переязвить, но для этого надобны целые водопады язвенности, – так вот, если Дана язвит, она все же смотрит внутрь себя, произнося насмешливые слова механически, почти не задумываясь. Они сами поднимаются откуда-то из глубины к голосовым связкам в виде пузырьков с вредными человечками... Даже когда его Дана улыбается, то улыбается одними губами. А глаза – нет, они не холодны, просто собеседник, считающий, что он удачно пошутил, обманывается, – взгляд Даны обращен не на него. Шутник продолжает оставаться обстоятельством внешнего мира. А самое главное и самое интересное никак не относится к миру внешнему. Оно – там, внутри, на борту субмарины, под бездной вод. Все плавающее на поверхности либо забавляет, либо докучает, но истинной ценности ни за чем не водится.

Это он, Рэм Тану, усыпил язву и научил маленькую женщину иногда подниматься с субмарины к волнам и солнцу. Это он научил ее улыбаться глазами.

И теперь он смотрит на свою ученицу, жадно выпрашивая: «Ну же, Дана, ну же, радуга моя живая, ну же, очень тебя прошу, поверни голову в мою сторону... На кой тебе эта подруга? Ты с ней еще тысячу раз поговоришь, ты еще ей с три короба...»

Между тем председатель Общества, делая артистический жест рукой в направлении Рэма, произносил заключительные слова:

– ...и сейчас я имею честь передать слово...

«Ну же, Дана! Последняя возможность! Пожалуйста! Я здесь, Дана!»

И тут она все-таки повернулась к нему. Посмотрела на него.

«Дана!»

– ...студенту историко-филологического факультета Императорского университета искусств...

Улыбнулась ему.

Самородки – те, для которых дно озера стало домом, – на миг сверкнули.

– ...господину Тану! Прошу вас, Рэм.

Он встал и пошел к кафедре, храня на лице выражение счастливого идиотизма и не сводя глаз с женщины-девочки в боковом проходе.

Наконец ему удалось оторвать от нее взгляд.

Рэм начал, как положено, с перечисления всех текстов, которые дошли от Мемо Чарану. Того самого, получившего от учеников и последователей прозвище «Пестрый Мудрец».

Так надо и следовало начать, ибо так начинают профессионалы.

Вот поучение Мемо «О соблюдении порядка».

Вот его «Житие отшельника Фая».

Вот «Малый комментарий» к «Придворному кодексу Срединного великого княжества».

Прочее – невнятные отрывки, то приписываемые Мемо, то не приписываемые...

Оп! При словах «Малый комментарий» и т.п. брови академика Нанди поползли кверху. Еще полдюжины по-настоящему серьезных специалистов отреагировали по-разному – кто удивленным лицом, кто – скептическим прищуром, а кто – осторожным шушуканьем. Остальные ничего не поняли. Или в лучшем случае почти ничего.

Потом Рэм напомнил о трех исторических хрониках, где упоминается Мемо Чарану: Срединная великокняжеская, Вторая Пандейская церковная и, немножечко, Великая Хонтийская. Были, правда, еще дневники придворной дамы Налы. Но их нельзя использовать: слишком велики сомнения относительно их достоверности. Скорее всего правы исследователи, увидевшие в дневниках Налы позднюю фальсификацию. Притом очень позднюю, видимо, времен Регентства. Сохранились еще два документа, и они, пожалуй, кое-что проясняют. Первый из них – жалованная грамота на поместье в Пригорье, выданная Мемо «в честь заслуг». Второй – список персон благородного происхождения, взятых на судебскую службу при пандейском царе Таджхаане. В нем Мемо Чарану назван среди четырех «высших мужей закона», а именно третьим – поставленным у «Южных врат сияющего престола».

Рэма долго и хорошо учили, особенно господин Ка-ан: сначала рассказать то, что знают все порядочные специалисты, и только потом явить то, до чего по сию пору никто не додумался.

Допустим, чем были «Южные врата» четыре столетия назад, определил еще дедушка академика Нанди. Орды пандейцев в союзе с горскими князьями ворвались на земли благословенного Срединного княжества, завоевали его и пятнадцать лет властвовали над самой хлебородной областью континента. Пандейский король называл оккупированные области «Южными вратами» своего «сияющего престола». «Северные врата» – коренная Пандея, «Западные» – Пригорье, а «Восточные» – спорное порубежье с Хонти. При этом двор Таджхаана оставался на севере, и там был старший из «высших мужей закона». Иначе говоря, главный толкователь законов всего царства.

Мемо Чарану – не пандеец, он уроженец Срединного княжества. Его отправили на юг, к сородичам, и он служил законником всего-навсего при наместнике, а не при самом царе. Значит, лжет Вторая Пандейская церковная хроника, поскольку там сказано: «И вышел из варварских равнин Средины муж великой учености именем Мема. И удоволил его царь Таджхаан платьем, поместьем и жалованьем. И слушал его советы, как никого другого. Ибо не боялся великий Таджхаан зачерпнуть из колодца чужой премудрости». Вот уж вряд ли! Мемо, как видно, приняли у Таджхаана, признали человеком полезным, но выслали на службу в его же отечество. Жил он, стало быть, в тридцати конных переходах от столицы Пандеи. А оттуда мудрено подать совет государю...

Об этом, допустим, догадались еще двадцать лет назад.

Кто-то назвал Мемо предателем – зачем он пошел на службу к врагам? Кто-то в его поступках отыскал желание просветить северных варваров. Но если внимательно вчитаться в его «Поучение о соблюдении порядка», написанное как раз на пандейской службе, многое становится понятным. Мемо выявлял черты превосходства закона по сравнению с неписанным правом общинников, властью хищных баронов, злым обычаем бунтарей и лукавой жестокостью чиновников. Кто страдал тогда от нарушений закона больше – завоеванные или завоеватели? А кому преждевременное восстание грозило гибелью? Мемо всего лишь использовал свою ученость, чтобы создать идеал всеобщего равенства перед законом. А его отечество очень нуждалось в соблюдении закона со стороны торжествующих победителей...

Мемо пожертвовал честью и добрым именем, пошел на поклон к лютым врагам – ради чего? Чтобы защитить свой народ силой слова.

Это, допустим, открыл десять лет назад сам академик Нанди.

Поместье Мемо получил не от пандейского царя. Он получил землю еще до завоевания, от собственного государя Гая V, великого князя срединного. Пандейцы могли, в сущности, всего лишь подтвердить пожалование или отобрать земли. Так? Так. Жалованная грамота на при-горское поместье выдана Мемо за его заслуги перед престолом. Как он возвысился, неизвестно. Зато в грамоте четко прописано, кем он был перед тем, как сделался помещиком до прихода пандейцев. Мемо учил детей великого князя. Выходит, его ученость не вызывала

сомнений – иначе князь Гай не взял бы его ко двору и не доверил бы сына с дочерью. Но вот само пожалование долго и напрасно считали новой почестью. Пригорье – захолустье. Притом захолустье, постоянно подвергавшееся набегам горцев. Поменять жизнь при дворе на судьбу небогатого служильца в опасном пограничье – не почесть, а ссылка Помещики обязаны были по первому зову местных властей снаряжаться на защиту крепостей и в воинские походы. Пришлась ли книжному человеку по вкусу работа младшего офицера? Вот уж сомнительно. Выходит, философ Мемо чем-то крепко провинился перед Гаем V.

До этого, допустим, додумался профессор Каан. Год назад, незадолго до того, как увлекся своей дурацкой биоисторией.

Помещиком Мемо пробыл ровно год. Началось пандейское вторжение. Вся жизнь Срединного княжества перевернулась вверх тормашками.

Великая Хонтийская хроника сообщает: «У грязных и подлых варваров из Пандеи единственным справедливым чиновником был некто Мемуш, ученый человек, да и тот не пандеец, а срединник. Двенадцать лет служил он неблаговерным собакам, возвышаясь подобно столпу истины в бездне нечестия. При нем разбои поубавились – насколько мог поубавиться неистовый нрав буйных дикарей. Учил он доброму...» – далее в хронике следует ужасный перевод небольшого фрагмента из «Поучения».

Хроника скорее всего, достоверна поскольку автором ее за период в два десятилетия был сам Беда Недостопочтенный. А это человек совершенно особого склада – великий недоброжелатель как Пандеи, так и Срединного княжества, удачливый шпион, затесавшийся в свиту пандейского наместника у Южных врат, а потом казначей Совета нобилей в Хонти. Выслужил, так сказать.

Итак, двенадцать лет службы «неблаговерным собакам»...

Потом восстание все-таки произошло, но никак не преждевременное. Великое княжество возродилось, неприятеля вышвырнули с его благословенных земель. Государыней стала Белая княгиня – дочь Гая V и ученица Мемо.

Она, как сообщает Срединная великокняжеская хроника, вытащила учителя из тюрьмы за полдня до казни, назначенной ему как «прислужнику пандейцев». Смутное время – чего тогда стоила жизнь судейского чиновника, знавшего многовато? Белая княгиня едва вырвала Мемо из рук своих баронов, чтобы поставить во главе причудливого сборища книжников. Минет год, и сборище превратится в первую на материке Академию.

То, о чем Рэм говорил дальше, являлось плодом его собственных разысканий. Собственно, ради этого люди и собрались в Зале ритуалов.

Как Мемо управлял Академией, известно из двух больших отрывков Срединной великокняжеской. Собственно, правильнее сказать не «известно», а «общеизвестно». А вот над чем работал он сам – очень дискуссионный вопрос. В сущности, от «позднего Мемо», от Мемо, окруженного учениками, от Мемо, ставшего чуть ли не самым известным человеком княжества, дошел всего один текст. А именно «Житие отшельника Фая». Этот Фай никогда не считался сколько-нибудь крупной фигурой в пантеоне святых. Жил за двести лет до Мемо. Оставил «Послание благочестивым людям», известное всего в двух списках, а значит, не пользовавшееся особой популярностью. Прославился аскетизмом и необыкновенной добротой ко всем, с кем сталкивался. Все. Малозаметный духовный учитель, память о котором почти растворилась в ядовитом соке времени...

«Житие отшельника Фая», написанное Мемо, известно в ста пятидесяти списках. Ни один памятник литературы за все века, предшествующие изобретению книгопечатания, не дошел до современности в таком количестве копий. «Житие» переписывали и переписывали через десять, сорок, сто лет после кончины Мемо...

И никто из специалистов до сих пор не расшифровал причин этой бешеной популярности.

Некоторые считали, что «Житие» стало знаменитым благодаря известности других, более крупных работ Мемо. Но тогда почему от них не осталось ни следа? Их ведь, по идее, должны были переписывать в еще больших количествах!

Другие полагали, что «Житие» переписывали ученики Мемо или казенные писцы Академии – как учебный материал. Но вот незадача: известно полным-полно списков «Жития», созданных явно не в столице Срединного княжества. Другая бумага Провинциальный неуклюжий полуустав вместо летящей столичной скорописи. Более того, очень быстро появился пандейский перевод, и сорок из полутора сотен копий сделаны, без сомнений, пандейцами. Из них с дюжину – на территории самой Пандеи.

Рэм сделал паузу.

Те, кто понимал его очень хорошо, ждали кульминации. Кульминаций сегодня будет парочка-троечка, но откуда им об этом знать? Первой они точно дождались.

Те, кто понимал его посредственно, просто нуждались в передышке.

Те, кто совсем не понимал его, просто с интересом следили за... расследованием. Будто он, Рэм Тану, – офицер жандармского корпуса и ведет следствие по делу одного ушедшего из жизни интеллектуала...

Дана понимала его посредственно, но в паузе она ничуть не нуждалась. Она смотрела на Рэма неотрывно, жадно, и в глазах ее трепетала ночная птица.

– Вот за это мы и зацепимся, – начал раскрывать первую маленькую тайну доклада Рэм – За двадцать восемь списков «Жития», созданных пандейцами, но вне пределов Пандеи. Неужели они так заинтересовались произведением Мемо из одного лишь почтения к его бывшему высокому сану законника? Запомним, запомним этот факт, не находящий простого объяснения.

Кажется, во взгляде академика Нанди появился интерес. Ну-с, милсдарь, наконец-то что-нибудь новенькое? – читал по его глазам Рэм.

Будем вам новенькое!

Мемо, в сущности, половину «Жития» посвятил вдумчивому комментированию маленького, сухо и сбивчиво написанного «Послания благочестивым людям». Отшельник Фай на двух листках в самых простых словах просил добрых верующих не совершать дурного и, напротив, совершать благое.

Делиться пищей, одеждой и пристанищем своим с любым человеком, которому это понадобится.

Не искать никогда никакой корысти.

Любить всех равно – врагов и друзей, ближних и дальних.

Никому не мстить, ибо месть – это грязь.

Не просить ни у кого помощи даже в самых трудных обстоятельствах, ибо это отягощает жизнь других людей, а она и без того тяжела. Если они захотят помочь, то сделают это по собственному желанию и получают воздаяние от Бога.

Отучить себя от гнева, ибо гнев это помутнение души...

И так далее. Всего двадцать два поучения.

Так вот, Мемо, описав жизнь и духовные подвиги отшельника Фая, взялся доказывать правоту его поучений. В результате все, прозвучавшее у Фая самым незамысловатым образом, как советы смышленного отца-крестьянина подрастающим детишкам, обрело у Мемо изысканно-совершенный вид. Где у Фая строка, там у Мемо – страница... Где у Фая сушая простота, там у Мемо – изощренность. Где у Фая одно лишь собственное мнение, там у Мемо – ссылки на Священное Писание, жития святых, величайшие духовные авторитеты, и только за ними, как за крепостною зубчатой стеной, его собственная тонкая трактовка.

Обо всем, высказанном Фаем, Мемо написал примерно поровну. Он не уделял больше места размышлениям над какими-то более важными поучениями Фая... Для Мемо у Фая все было в равной степени важным.

За одним-единственным исключением.

Лишь раз Пестрый Мудрец переступил через собственное правило «равных объемов».

«Никому не мстить, ибо месть – это грязь», – и два десятка страниц с комментариями Мемо. Про «никому не мстить» глава великокняжеской Академии написал примерно столько, сколько сказал он обо всем прочем. Четверть всего «Жития». Притом самая яркая четверть, написанная легко, как летит над землей пламя лесного пожара, и в то же время чеканно, словно горсть серебра, только что покинувшая монетный двор...

Мемо откуда-то узнал древнюю легенду о милосердии Фая – впрочем, может быть, не столько узнал, сколько сам сочинил.

Фай жил в шалаше посреди рощи, близ дороги. Люди приходили к нему, разговаривали и оставляли у шалаша пищу, одежду, монетки. Рядом поселился старый разбойник, ловко прибиравший к рукам почти все пожертвования. Фай собственными руками плел корзины и только их продажей кормился, поскольку пожертвования кротко оставлял разбойнику. А если какая-то малость оказывалась у Фая, разбойник посещал его шалаш и отбирал все дочиста. Фай не сопротивлялся, хотя был моложе и сильнее разбойника, а жизнь в лесу, на холоде, в самых диких условиях закалила его тело. Однажды разбойник тяжело заболел, и Фай немедленно сделался почти что богатым человеком – столько подаваний оказалось при входе в его шалаш! Но он, забрав всю пищу и все деньги, отправился к жилищу разбойника. Тот испугался, увидев отшельника: «Я беззащитен, и ты пришел убить меня! Пощади, Фай, мне осталось жить совсем недолго. Я уже не могу докучать тебе!» Фай рассмеялся и выложил перед разбойником на стол лучшую пищу. Отшельник нанял лекаря, желая излечить жадного грабителя. Но лекарь поведал, что его уже не поднять с постели – давнее пристрастие к питью вина привело его на край могилы. Тогда Фай сам принялся ухаживать за умирающим: кормил и поил его, обмывал его тело, топил ему печь. Вот пришла пора хворому сквернавцу уходить из жизни – и отшельник принял из его уст исповедь, а с нею раскаяние в обидах, причиненных соседу. Когда разбойник умер, Фай закрыл ему глаза, оплакал его и долго молился о его душе. Потом отшельник похоронил своего мучителя и на могильном камне начертал собственной рукой: «Здесь покоится добродетельный человек». Люди спросили Фая: «Отчего же ты не вернул себе все пожертвования? Отчего не отлупил как следует наглого разбойника, когда он лишился сил и всей дерзости своей? Отчего не прибил его, как пса, заболевшего бешенством?» Отвечал Фай: «Если бы я поступил бы с ним так же дурно, как он поступал со мною, разве раскаялся бы он тогда? Разве душа его очистилась бы? А ныне он чист. Выходит, я мог дать ему уйти с чистою душой или же с грязною. И уйди он к Богу со всей своей скверной, я был бы виноват. Мне пришлось бы каяться перед Всевышним за большую вину, чем все его простые разбойничьи вины».

Для кого Мемо писал эту историю про отшельника Фая? Для своих учеников? О нет.

За четырнадцать лет всевластия пандейцев на землях Срединного княжества тысячи семей переселились в недавно завоеванные области. Пандейцы-крестьяне, пандейцы-охотники, пандейцы-рыболовы, воины, кузнецы, углежогги... Они заняли участки и дома, опустевшие после того, как их владельцев убили на войне. Вот исчезло пандейское владычество. Полегли пандейские воины. Но все остальные пандейцы остались – за малым исключением. Они живут целыми общинами, у них полно детишек, родившихся на новом месте. И им некуда уходить. Весь народ Срединного княжества страстно желает перебить их до единого, отнять всю землю, дома и имущество, а жен и детей продать в рабство. Разве не так?

И Рэм привел пять историй, взятых из документов той великой эпохи, когда возрождающееся Срединное княжество, едва живое, едва стоящее на ногах, но все-таки свободное, начало понемногу приходить в себя.

История о бароне, отобравшем землю у пандейской общины и повесившим всех тамошних мужчин. В результате появилась банда, беспощадно грабившая на столичном тракте и состоявшая из одних озлобленных женщин.

История о том, как пандейцу под угрозой смерти предложили убраться из дома и оставить все товары в лавке. Он подпалил и лавку, и дом, от чего случился пожар, сгубивший полгорода.

История о том, как чиновник выдавал пандейцам грамоты, удостоверявшие, что они не пандейцы, а срединники, и живут здесь с давних пор. Цена на грамоты постепенно росла. Когда она стала непомерной, пандейцы, которым не досталось грамот, решили бежать. Их поймали, посадили в тюрьму и отобрали все ценное имущество.

История о том, как смотритель конного рынка стравливал пандейцев со срединниками, вымогая у них как можно более высокую плату за место для торговли. Документы не дают возможности понять, кто именно его убил – пандейцы или срединники.

История о том, как один судейский служитель не хотел подтверждать законную силу завещания богатого пандейца, пока ему не отдадут в наложницы младшую дочь покойного. Он ее и получил. Родня принесла мертвое тело к порогу его дома.

Дурно?

Но ведь все помнили ровно такие же истории, случившиеся до изгнания пандейского наместника и разгрома пандейских войск. Такие же – в деталях. Никто ничего не забыл!

А Мемо Пестрый Мудрец, поминая милого старинного отшельника, сущего простака, Божьего человека, говорит: «Не надо мстить».

Подробно, на многих страницах: «Не надо мстить!»

С красивыми примерами, со всею мощью глубокого ума: «Не надо мстить...»

Он как будто опять идет против своих, против своего же народа. Немудрено, что его с таким воодушевлением переписывают пандейцы, живущие *по эту* сторону границы. Они спинным мозгом почувствовали: слово Мемо их защищает.

Но... если бы только пандейцы!

Полсотни списков «Жития» найдено... где? В архивах провинциальных городов. Среди деловых бумаг, распоряжений из столицы, реестров дворянского ополчения, копий отчетов по налоговым сборам, предназначенных для отправки столицу. В двух случаях...

Рэм обвел глазами аудиторию. Ага, академик Нанди, кажется, уже понял. Остальные пока нет.

Он щедро сделал еще одну коротенькую паузу. Научный доклад – страшно долгое и утомительное дело.

А хорошему ритору пристало являть чуточку артистизма. Иначе финал его выступления будет неизменно утопать в густом храпе.

– Итак... – продолжил он, – в двух случаях сохранились привешенные к свиткам «Жития» печати. И это печати великокняжеского ведомства Почтовой гоньбы. Иными словами, по указу Белой княгини сочинение Мемо рассылали баронам, судьям и воеводам для обязательного прочтения. Мы видим пример удивительного, прекрасного сотрудничества между высоким интеллектом и властью!

Не слишком переборщил со словом «прекрасного»? Оно ведь несколько... э-э-э... не для научных речей. А еще интонация... Куда-то она поползла вверх, вверх... Не высоковато ли?

Нет, никто не поморщился.

И тут Рэм почувствовал – еще очень робко, не веря самому себе, – как несколько сотен людей подчинились его словам. Как желают они добраться вместе с ним до выхода из длинного лабиринта. Как жаждут они продолжения. Даже академик Нанди.

Это необычное ощущение соединилось на краткий миг с другим, еще более странным: тень души Пестрого Мудреца, умершего столь давно, легла на его собственную душу. Эфирное... прикосновение... Ободряющее. «Попробуй на вкус то, что когда-то чувствовал я. Распорядись *этим* как должно».

Почудилось?

Всю жизнь он будет вспоминать невозвратимое мгновение. И до смертного часа не избавится от его привкуса...

Дальше пошел простой материал.

Белая княгиня понимала, разумеется, как важно укрепить порядок в стране. А если дать трем четвертям населения спокойно резать и грабить иную четверть, люди озвереют от легкой крови, княжество покроется коростой бунтов, а пашни, и без того сильно запустевшие, окончательно лишатся пахарей в целых уездах. Налоги станет не с кого собирать. Царя пандейского родичи убитых вынудят совершить еще одно вторжение – ради мести. И прольется новая большая кровь.

Зачем? Белая княгиня, как говорят в один голос анналисты, отличалась умом и непреклонной волей. Ей требовалось остановить резню, и старый учитель крепко помог государыне. Она хотела править богатой многолюдной страной. В конечном итоге ее желание исполнилось. Оба – старик и женщина – вразумляли свой народ, не пуская его на путь губительной свирепости. Обоих, надо полагать, ругали на чем свет стоит. С обоими, хоть и не сразу, согласились. А потом объявили их великими людьми.

Мемо Пестрый Мудрец умер в почете и достатке, окруженный учениками и восторженными поклонниками. Его хоронили любимая жена, четверо детей, семеро внуков. И на этом можно было бы поставить точку, объявить жизнь первого академика вычерченной до полной ясности. Однако есть деталь, которая не позволяет поступить подобным образом.

– Помните, – с легкой улыбкой произнес Рэм, – в самом начале я перечислил произведения Мемо. И назвал помимо «Жития» и трактата «О соблюдении порядка» еще и «Малый комментарий». Помните?

По лицу академика Нанди Рэм понял: уже забыли. Но сейчас начали припоминать. Четверо или пятеро заулыбались: «Ах, еще и это. Новинки не закончились. Что ж, давайте, молодой человек, вынимайте очередного кролика из шляпы». Дана смотрела на него со спокойной неотрывностью – притягательной и чуть пугающей.

Никто не зевнул.

Он работал за кафедрой вот уже час, да, без малого час, но все еще не лишился их внимания. Славно, очень славно.

А по всем законам божеским и человеческим аудитории давно пора вовсю раззевываться...

– Никогда прежде «Малый комментарий» не публиковался. Он еще не введен в научное обращение. Текст был обнаружен вашим покорным слугой в... Музее жандармерии.

Сколько изумленных рож!

– Точнее говоря, в Отделе редких книг и рукописей крамольного содержания.

Сколько раздосадованных рож!

«Как просто! Мог бы и я его отыскать. Парню просто повезло...»

Да, могли бы. Но, как сказал Рэму профессор Каан, «Такие вещи приходят в руки только тем, кто по-настоящему спятил от науки. А кто недоспятил, к тем не приходят». Лишь полный псих примется искать древние рукописи в жандармских закромах. Правда, прежде

он должен будет пройти еще с полтора десятка мест, где материалы по его теме можно отыскать лишь чисто теоретически.

На лице академика Нанди промелькнуло одобрение. Показалось? Нет, совершенно определенно.

Рэм продолжил.

«Малый комментарий» имел четкую датировку. Сам автор вывел пером год, месяц и день, когда он поставил последнюю точку. Жалованная грамота, означавшая для Мемо ссылку в Пригорье, появилась двадцатью днями позже. Трудно не усмотреть между ними связи. Очевидно, «Малый комментарий» содержал нечто досадное для Гая V. Какая-то деталь в нем переломила судьбу преуспевающего учителя государевых детей, превратив его в ничтожного провинциального помещика.

Что именно?

На сей счет можно высказать одно предположение.

«Малый комментарий», на первый взгляд, всего лишь невинное размышление о допустимости некоторых норм нового придворного кодекса Его ввели в действие за полгода до появления «Малого комментария». Вся жизнь Срединного двора подчинялась строгому Ритуалу. А новый кодекс сделал Ритуал... нет, не проще. Сложности не убавилось. Но позволительным сделалось одно явление... его современники назвали словом, абсолютно недопустимым для собрания ученых людей. В системе современных понятий ему наилучшим образом соответствует словосочетание «легкость нравов».

Но Мемо вовсе не пытался встать в позицию защитника старины, бичевать распутство... о, в смысле – легкость нравов... и взывать к совести падших.

Нет. Он всего лишь вежливо придрался к некоторым нововведениям. Казалось бы, чисто формальным Там частность, тут нюанс... В одну такую вот мелочь Пестрый Мудрец вцепился как голодная сторожевая собака в сочную ляжку неосторожного вора Новый кодекс Аозволял любому мужчине, обязанному являться при Аворе, приводить с собою на всякое торжество или пир любую женщину, обязанную являться при дворе. Иными словами, не обязательно – жену. Мемо раскрошил в пыль этот пункт нового кодекса Камня на камне не оставил. Со всей силой своей учености он неопровержимо доказал: сие правило не соответствует Священному закону, а значит, его следует немедленно отменить.

И отправился в ссылку.

Поскольку метил, вероятнее всего, не в кого-то из придворных, а в самого великого князя Гая V. Государь отправил законную супругу, пандейскую принцессу Фе-рузан, на отдых и лечение от меланхолии в замок на Голубой Змее, а сам проводил время с княжной Гаруту. С нею правитель был неразлучен, и мало кто из придворных осуждал его. Брак с Ферузан родился из многоходовой политической комбинации, обещавшей добрые отношения с могущественной Пандеей. Принцесса родила Гаю V трех детей, но любви и согласия между ними так и не установилось. В конце концов государь перестал ее терпеть подле себя и стал везде появляться с княжной Гаруту...

В первом ряду сидел плечистый офицер в форме полковника бронемоторизованных войск. Он сверлил Рэма подозрительным взглядом. И Рэм испытал мимолетную радость от того факта, что ныне Империей правит вовсе не та династия, которой принадлежал Гай V.

Да горцы с ним, с полковником!

Новый кодекс разрешил великому князю не отрываться от возлюбленной ни на пиру, ни на празднествах, ни на приеме послов, ни на... одним словом, никогда не отрываться. А Мемо Чарану – запретил.

Почему?

Надо полагать, причин тут две.

Во-первых, Мемо воспитывал детей той женщины, которую позорил муж – человек, возвысивший его. И перед Мемо встал выбор: либо он имеет право все так же честно смотреть в глаза этих детей, либо он имеет право на хороший доход и жизнь при дворе. Права совмещать первое со вторым у него нет и быть не может.

Во-вторых, смелым человеком был Пестрый Мудрец Истину он предпочитал всему остальному.

Но... могла быть и третья причина. Вот только надвигалась она издалека И никто, кроме одного Мемо, не разглядел ее. Или не решился разглядеть.

– Давайте вспомним еще одно обстоятельство, прозвучавшее в самом начале моего выступления. Сколько отделяет ссылку Пестрого Мудреца от начала пандейского вторжения?

– Ровно год! – моментально ответила Дана.

– Год... около года... – послышалось еще три или четыре голоса.

Как хорошо, что она слушает его внимательно! Как приятно! Очень-очень...

– Так вот, – торжественно сообщил Рэм всем присутствующим, – вторжение обрушилось на Срединное княжество после того, как Ферузан бежала с Голубой Змеи к отцу. А царь Таджхаан не одобрил подобного обращения со своей дочерью. Знал ли, понимал ли Мемо Чарану, как будут развиваться события? Желал ли он предотвратить сокрушительный удар пандейцев?

Пауза.

Хорошая, артистическая пауза. Сделанная как бы случайно – чтобы отпить глоток воды из стаканчика, поставленного на кафедру. И вот уже из зала доносятся торопливые возгласы молодых:

– Да знал, конечно!

– Это ж понятно!

– Естественно!

– А то как же!

– Знал! Он же мудрец.

– Скорее всего – да!

Звенит колокольчик председателя.

– Прошу вас соблюдать порядок, дамы и господа!

Совершенно как Мемо Чарану – он требовал от современников того же.

Послышались смешки, но они быстро утихли.

– Я отвечу на этот вопрос следующим образом: совершенно не важно, предугадал ли Мемо, чем кончится для страны опрометчивое поведение ее правителя. Гораздо важнее другое. Он защищал истину. Он защищал те основы мира, на которые нельзя покушаться никому: ни государю, ни простому дворянину, ни лавочнику, ни даже нищему. Ведь каждый раз, когда они рушатся, механизмы, поддерживающие мироздание в порядке, воздают нам страшными бедами. Рвутся нити, скрепляющие землю с небом, и падают преграды, удерживающие людей от скотства.

Рэм очень рисковал. Не принято ученому вещать о нравственности. С него довольно новых знаний, добытых для мира А молодому ученому подавно следует выбирать выражения.

Но... Мемо-то мог. И делал. А разве он ниже ученого наших дней?

Рэму осталось произнести заключительные слова:

– Мемо Чарану хорош не только тем, что честно служил своим государям и своему народу, не боясь замарать имя, не боясь упасть в глазах правителя или соотечественников. И не только тем, что был ученым человеком своего времени. Следует помнить: Пестрый

Мудрец хранил в себе умственную вольность, он никому и ничему не подчинял свой ум помимо одной истины. Это добрый пример.

Молчание в ответ.

Надо что-то добавить, да?

– Благодарю всех присутствующих. Я завершил выступление.

Молчание.

Председатель вновь поднялся:

– Дамы и господа, может быть, у кого-то из вас возникли вопросы к...

И тут в первом ряду встал академик Нанди.

– У вас вопрос, господин Нанди?

Рэм почувствовал, как сердце пропустило удар, второй... Размозжит? Может. По большому счету, только он и может.

– Нет, господин председательствующий. Я полагаю, все вопросы – потом. Чуть погодя. А сейчас...

Гай Нанди повернулся лицом к залу, поднял руки и хлопнул в ладоши – раз, другой, третий... Нарочито медленно. Призывая всех остальных присоединиться к нему.

Тогда все повскакивали со своих мест – профессора, приват-доценты, студенты, члены Общества, досужие любители истории. Академику Нанди ответили. Сначала робко, с осторожностью, а потом – от души. Кафедру накрыло волной аплодисментов, как штормовая волна накрывает причал и, если повезет, добирается до ближайших домов.

Рэму хлопали очень долго. Председатель вынужден был вновь взяться за колокольчик.

Потом Рэму задавали вопросы, много вопросов. Умные и глупые, из праздного любопытства и по делу. Вопросы тонких специалистов и сущих неучей. Вопросы добрые и с подковыркой. Но после того, как академик Нанди одобрил студента Тану, его никто не осмелился цеплять всерьез.

За вопросами последовали выступления.

Приват-доцент Таримабу счел, что у Рэма слишком мало использовалась Великая Хонтийская Хроника, но в остальном все нормально. Профессор Феш выразил уверенность, что Великая Хонтийская Хроника – источник периферийный, и ее вообще не стоило трогать, а в остальном все очень хорошо.

Полковник Варунди подчеркнул практическую пользу доклада с точки зрения боевого духа императорской армии: «Пусть мои ребята знают, каких умников выращивала держава в своих недрах!» Некий чиновник в вицмундире Министерства сельского хозяйства порывался с места дополнить офицера: «Не только в армии, но и в животноводстве!» – но ему слова не дали, призвав к порядку.

Магистр Кику говорил долго. В речи его слышались фразы о перспективах осмысления, о философской точке зрения и о чем-то еще глубоко плюралистическом. Самое прозрачное из сказанного звучало так: «Эксплицитно проявленное нам сегодня в полной мере открылось. Но имманентно имплицитное требует эпистемологической модернизации методологического арсенала исследования».

Последним сказал свое слово академик Нанди:

– Настоящий современный специалист обучен всем тонкостям научной критики источника. Он увешан навыками и умениями из вспомогательных исторических дисциплин не хуже, чем хорошо экипированный пехотинец – оружием и снаряжением. Он прочитал все, что было написано по его теме предшественниками. Он также владеет разными методиками синтеза и способен в идеале один и тот же процесс увидеть под разными углами зрения. Превосходно! Вот только одного он чаще всего не умеет... И тут, знаете ли, я говорю о большинстве своих коллег, да и в какой-то степени о себе самом. Не какой-нибудь абстрактный «он», специалист без имени и судьбы, а мы, те, кто пишет сейчас монографии, учебники

и статьи, чьи послужные списки украшены высокими научными степенями и званиями... Так вот, мы умеем добыть новое знание, но не умеем подумать о том, как им распорядиться. Мы способны изложить его в максимально корректной форме для коллег. И каждый из нас думает про себя: «То, чем я занимаюсь, способны, по большому счету, понять и оценить двое профессоров в столице, один приват-доцент в Пандейской провинции и один академик из Южной федерации. Для них-то я говорю и пишу. Они смогут оценить по достоинству...»

Тут Рэм вздрогнул.

– ...И это еще хорошо, потому что кое-кто из нас держит в уме гораздо более скромную аудиторию. Порой она состоит из единственного знатока...

Тут Рэм вздрогнул вторично.

– В результате мы постепенно превращаемся в замкнутую касту людей, работающих не для образованного общества, а для себе подобных. Иначе говоря, для узких специалистов. Или, точнее сказать, для антикваров, хранящих знания в сундуках, подобно сокровищам А общество, видя отсутствие интереса к нему с нашей стороны, постепенно начинает утрачивать интерес к нам самим. Я очень рад, что сегодня этот молодой человек преподал нам всем добрый урок. Уверен, ему и в голову не пришло искать в сидящей перед ним аудитории одного или двух идеальных слушателей...

Рэму стало стыдно. Правда, стыд посетил его в умеренной дозе: он все-таки старался быть интересным и понятным для всех, а не только для академика Нанди. Ну, может быть, не для всех, но уж для большинства – точно.

– Господин Тану постарался быть интересным и понятным для всех, кто пришел сегодня на его выступление. Как минимум для большинства собравшихся...

Рэм посмотрел на академика с суеврым ужасом. Мать как-то объяснила ему, что дети сельских колдунов иногда умеют угадывать мысли. Так не колдун ли из какой-нибудь дыры – академичий папа?

– Господин Тану предъявил всем нам умение работать с историческими источниками как прилично подготовленный специалист. Как образцовый продукт столичной университетской школы, я бы сказал. Но в этом, допустим, еще нет ничего удивительного. Приятно поразило иное. Господин Тану извлек драгоценный опыт старинного интеллектуала и подал его так, чтобы современный интеллектуал мог использовать этот опыт для строительства собственной личности. Иными словами, совсем еще юный автор доклада не только добыл хорошо спрятанную драгоценность, но и вынес ее на всеобщее обозрение: любуйтесь, размышляйте, меняйтесь! Он поработал и на нас, знатоков-антикваров, и на всех образованных людей Империи. Вот так! Это должно быть опубликовано. И в научной форме и... – Гай Нанди сделал в воздухе какой-то колдовской знак, отыскивая верные слова, – ...и в вольной артистической форме. Именно так! В виде вольного размышления.

«Он точно якшается с нечистой силой, этот Нанди!»

Еще раз аплодисменты.

Председательствующий солидно встает, благодарит господина академика, благодарит почтенную аудиторию за внимание к докладу Рэма Тану и укоризненно смотрит на него.

«О, точно. Не он, а я обязан благодарить за внимание. Ну, ладно, учту на потом...»

Председательствующий убирает из очей укоризну и благодарит самого господина Тану за содержательное выступление. Затем напоминает:

– «Вестник» Общества публикует наиболее интересные доклады. Обычно судьбу доклада решает наш Редакционный совет. Но в данном случае, полагаю, рекомендации академика Нанди и положительного мнения вашего покорного слуги будет достаточно. Господин Тану, готовьте доклад к печати. У вас полгода для подачи правильно оформленной рукописи. – Председателю хлопают, он отдает публике легкий поклон. – А теперь официальная

часть заседания окончена Желаящие могут подойти к господину Тану ради составления с ним более тесного знакомства.

Добрая треть людей, собравшихся в Зале ритуалов, оказалась не у выхода, а рядом с кафедрой. Все они, как видно, жаждали «более тесного знакомства». На Рэма сыпались с разных сторон вопросы, а он едва соображал от усталости.

Дана протискивалась к нему через толпу людей, захотевших общения. Она не любила толпы. И еще она очень не любила людей, которые жрут чужое время, навязывая общение. Но она все-таки добралась до Рэма, сунула ему записку и сейчас же исчезла. В недоумении он развернул бумажку.

«Через час на нашем мосту».

Ну да, некоторые вещи прилюдно не... Ну да.

Не успел он прочитать записку и осознать ее приятный смысл, как прямо перед ним появилась другая: «Господин Тану! Получил от Вашей речи истинное наслаждение. Ваша находка достойна серьезной публикации. Даю Вам место в «Археографическом ежегоднике Императорской Академии наук». Вступление и пространный комментарий к «Малому комментарию» – Ваши. У Вас месяц. Все необходимые справки Вы можете навести у секретаря «Ежегодника» по телефону 4-12-12. Рад Вашим успехам. *Г. Нанди*».

А Рэм думал, что под списком больших подарков можно подвести черту. Публикация в «Вестнике» и «Ежегоднике» – это... это имя. Нет. Это Имя.

Ну а теперь – полная миска горячего сумасшествия. Положение обязывает!

Кольцо доброжелателей стиснуло его.

– Господин Тану! Мне непременно нужно знать ваше мнение о старом Придворном кодексе Гая V. Я надеюсь, вы сможете ответить мне подробно.

– Я писал о нем в... (ссылка на).

– Дружище, мы тут с девчонками идем в пивную «Железный хрен». Будет весело! Я надеюсь, ты с нами?

– Я обещал профессору Каану... (ссылка на).

– Рэмчик, я поняла, что была к тебе слишком невнимательна. Но у нас с тобой достаточно времени, и все можно исправить! Мне вообще всегда нравились ребята вроде тебя – тощие дылды на две головы выше меня. И волосы мне всегда нравились светлые, прямые, терпеть не могу кучерявых... У тебя такое лицо, когда ты говоришь со сцены, ну... такое лицо... притягивает. Я надеюсь, ты... м-м?..

– Я вижу перед собой самую красивую девушку курса. А может быть, и всего Университета. Ты подарила бы счастье самому взыскательному мужчине. Но увы, мое сердце... (вежливая посылка на).

– Р-рэм! Можно я буду так называть вас, молодой человек?

– Э-э-э...

– Благодар-рю! Какие еще крупные отечественные философы могут быть использованы для поднятия духа императорских бронемоторизованных войск? Отвечать!

– Я... есть специальные пособия, господин полковник! В них изложено доступно, господин полковник! Разрешите подготовить соответствующую записку, господин полковник? К четвергу следующей недели, господин полковник! Куда доставить, господин полковник?

– Р-разрешаю. Молодец! Достойная смена. Доставьте вашему военному комиссару, юноша! А он проинформирован в случае чего – куда и где!

Когда толпа рассеялась, к Рэму подошел сухонький старичок и цепко взял за локоть. Вкруг лица его, изборожденного столетними морщинами, светился ореол одуванчиковой седины. Старичок заглянул Рэму в глаза, излучая надежду путника, заблудившегося в пустыне и вдруг увидевшего караван.

– Эххе... хм... простите. Может быть, мое внимание несколько неуместно... м-да... однако... наука должна знать... верно?... и не отворачиваться... поскольку ради спасения... слышите вы?... требуется соединить лучшие умы... а многие отворачиваются и не хотят... но это от косности и высокомерия... впрочем, зачем это я? У вас светлая голова, Рэм Тану... и я поведаю вам... эххе... знаю... вы не отвергнете... вы поймете...

– Как вас... э-э-э...

Рэм сделал вялую попытку освободить локоть, но старичок приклеился насмерть. Откуда такая сила в тоненьких желтеньких пальчиках? Не оторвешь.

– Эххе... слушайте же... у нас остался последний шанс... я... прочитал тайные знаки... вы знаете, что Священное Писание зашифровано?... Так оно все зашифровано... и я узнал шифр... теперь нет сомнений: через три года наступит конец света...

«Это на четверть часа. Раньше не отвяжется...» – с тоской подумал Рэм.

Дана наблюдала за утками, опершись на парапет моста. Утки с комфортом заселили отражение Биржи в канале.

Почувствовала приближение Рэма и повернулась в его сторону.

Не так уж часто выпадала на его долю такая удача: видеть, как Дана преобразается. Она ведь только делала вид, что любит утки. Не очень-то ее интересовали эти утки. Здесь, в нашем мире, ее вообще мало что интересовало. Так, некоторые частности. Где-то там, в придонных глубинах океана, на борту субмарины, имеется стальная дверь. За нею открывается коридор, ведущий к иному миру. К старинному деревянному дому посреди волшебного леса, к сосновому бору на берегу теплого моря, к лесным озерам, к лабиринту тропинок, к тишине, к ограде зачарованного сада, к упоительному уединению. Если с утра открыть окно того дома и увидеть, как солнечные лучи пронизывают туман, и услышать, как невидимый дирижер начинает увертюру к птичьей симфонии, то какая сила удержит тебя надолго во внешнем мире? Каким-то непонятным чудом Рэму посчастливилось стать такой силой. Поэтому иногда он видит трехходовую комбинацию: лицо Даны – неподвижное, застывшее – на мгновение смягчается, а потом вновь «закрывается»; это наблюдатель с перископа подал сигнал за стальную дверь: «Капитан субмарины, тревога!» – и сигнал летит по эфиру, достигает Даны в ее мире, она на миг задумывается; между тем субмарина остается в режиме глубинного плавания; Дана чувствует – нечто тянет ее наружу, там, как ни парадоксально, будет лучше; «Срочный подъем!»; и вот загораются глаза, и вот губы, растягиваясь, предательски сообщают: «Я уже здесь, я с тобой!»

Длинная серая юбка со складками и закрытое – как его женщины называют? – закрытое то, что выше юбки. Форма всех воспитанниц Высших женских курсов. Заколка в форме стрекозы. Волосы открывают высокий лоб. Кожа бледнее писчей бумаги. По одной древней легенде, раз в столетие библиотекари находят редкое растение: оно неизменно бывает укоренено в какой-нибудь старинной толстой книге. Очень хрупкое. Растение дает один-единственный белый цветок, и на свете нет ничего более белого, нежели его лепестки. Вот и Дана...

– Ты знаешь, новый малый мудрец, какое я хрупкое существо?

Она глянула на Рэма капризно и в то же время положила руки ему на грудь.

– О да! Ты хрустальная роза, и тебя надо беречь. Чтобы ни единой трещинки...

Он накрыл ее руки своими.

– Проблески понимания – налицо. Но отчего же меня можно сбегать, оставив здесь в одиночестве на лишнюю четверть часа? Тебе следует знать: здесь дует от воды, нет ни капли горячего чаю и отсутствует пристойная лавочка, на которой можно было бы отдохнуть. Я бы согласилась и на непристойную лавочку, но они все куда-то разбежались.

– Я виновен во всем, кроме лавочек. Их разогнал не я. Во всем прочем нет мне оправдания. У тебя полное право наказать меня двумя годами расстрела через отсечение головы...

Дана нетерпеливо затворила ему ладошкой уста.

– Стоп! Все это – про свою вину – ты мне еще раз и очень подробно расскажешь в другом месте. В таком другом месте, где много горячего чаю, не очень шумно, нет сквозняков, мало людей и живет хорошая еда. Как ты знаешь, некоторая еда...

– ...таковой только прикидывается. А на самом деле есть ее нельзя. Потому что она – плохая.

На ее лице появилось выражение: «Совершенства пока нет, но результат уже неплохой».

– Я вижу, ты разделяешь мои убеждения. Так вот, пожалуйста, отведи меня в такое место прямо сейчас. Я замерзла. И мне необходим чай. Чай, чай! Поэтому место должно быть не слишком далеко. Оно обязано быть рядом. Оно есть у тебя?

– Я захватил с собой две штуки. Обе тут, неподалеку. Ты сможешь выбрать самое лучшее. Там нас уже напряженно ждут.

– Возьми меня под руку. Мне так хорошо с тобой...

* * *

Она выпивает чашку чая...

– Ну вот, я согрелась. Теперь о твоей вине можно поговорить спокойно. – ...и берется за вторую чашку.

Рэм развлекает ее маленькими потешками. Иногда ему кажется: когда-нибудь они обязательно станут мужем и женой, но не будет ли он тогда путать жену с дочкой?

Женщина-девочка съедает фруктовый пирог. Тянется к ягодному, но вдруг останавливается и смотрит задумчиво. Берет Рэма за руку.

– Я хотела сказать тебе... ты ведь знаешь, мне *тут* не очень-то нравится. Очень много несовершенных, некрасивых вещей. Слишком много людей, и они все время норовят сказать тебе какую-нибудь гадость или какую-нибудь глупость. Мне иногда хочется ходить по улицам, опустив глаза, и не смотреть ни на что. Серые дома, дома без лиц... шум, толпа... Я говорила тебе. Летом бывает красиво, еще иногда осенью... А в остальное время – либо грязно, либо холодно, либо и то, и другое сразу. Прежде я мечтала каждый год впадать в спячку, когда деревья теряют последнее золото, и проводить во сне все то время, пока они стоят голые. Пока холодные дожди, пока лужи, слякоть, мороз, опять слякоть... А просыпаться не раньше, чем царство воды сменится царством зелени. Жаль, мечта моя невыполнима. Ты слушаешь меня? Да?

– Да. Я очень внимательно тебя слушаю, ни словечка не пропустил.

– Тогда налей мне из чайника третью чашечку и попроси официанта, пусть подольет нам кипятку.

Налил. Попросил. Подлили. Дана царственно отпила глоточек.

– Понимаешь, мне исключительно редко нравится то, на что я смотрю, то, что я слышу, или то, что я трогаю руками... к тебе вот нравится прикасаться...

Поправляет ему волосы.

– Растрепались, извини... Иногда попадает красивый дом. Особенно если старый или если это церковь. Или крепость. Новые, где живет не одна семья, а множество, – такие... никакие. Одинаковые. Еще бывает красивый человек, красивое растение, красивая вещь... Монета, медаль. Рисунок. Лучше всего раковина. Раковина почти всегда – совершенство. В ней нечего исправлять, и поэтому она не сердит и не огорчает меня. Раковины приводят меня в восторженное состояние... Иногда мне снится, что у меня вся мебель – раковинная. Даже кровать – большая фигурная створка с периной... Я долго говорю? Извини, пожалуйста, длинная мысль...

– Не извиняйся. Мне всегда нравилось все сложное. А оно, как правило, еще и длинное.

– Вот и хорошо. Ну, слушай. Чтобы здесь было на что смотреть, я иногда делаю это своими руками. Помнишь, я рассказывала о том, как училась каллиграфии, как делала композиции из виньеток и таких... замысловатых букв... ну... еще вензеля, имена...

Рэм кивнул. Ему нравилось то, что показала Дана. Ее композиции обладали властью над глазами: они долго не позволяли отвести взгляд. Дана удавалось поймать красоту сложного.

– Потом поняла: это уже умерло, это уже мало кого интересует. И научилась делать медали. То есть не только медали, конечно: разнообразные знаки, медали, ордена Но медали мне по душе больше всего прочего. Дядя научил, ему понравилась эта моя забава... Да, именно забава – два года назад я сделала первую медаль, и... ерунда А завтра Императорский монетный двор выпустит первую медаль по моему эскизу – на трехсотлетие династии. Без дяди, конечно, ничего не получилось бы, но... штука выйдет красивая. Правда. По-настоящему.

– Я поздравляю тебя. Я очень рад за тебя.

Рэм обошел столик и поцеловал Дану в щеку. Та не дала ему вернуться на место сразу же. Прежде поцеловала в ответ. Сначала в левую, а потом, чтобы правая не обиделась, – и в правую.

– Но я вовсе не хотела хвастаться тут перед тобой.

– Разве только чуть-чуть.

– Ну да. Но чуть-чуть – не считается.

– Согласен.

– В общем, мне нравится увеличивать количество красивого. Того, на чем можно остановить взгляд и рассматривать, *не желая впасть в спячку*. Того, что заставляет нас... меня... нас... оставаться тут, на поверхности, надолго. А ты сегодня сделал красивую вещь. Очень красивую. Там, в Зале ритуалов, когда рассказывал о Мемо Чарану. Ты говорил без малого полтора часа, но я почти все время следовала за твоей логикой. Ты пойми: это так много! Даже не вещь, не дерево, а просто слова держали меня здесь столько времени! Мемо Чарану – красивый человек. Его судьба наполнена гармонией. Им можно любоваться. Но всю гармонию, красоту и... как правильно назвать?.. всю соразмерность его поступков именно ты вытаскил на свет, чтобы предъявить мне... нам У тебя очень хорошо получилось.

Улыбается. Сжимает пальцы Рэма Он притягивает ее руку к себе и целует, а потом трется об нее щекой.

– Спасибо. Именно таких слов мне от тебя и хотелось.

Женщина-девочка съедает и ягодный пирог.

– А теперь я хочу гулять. Ты не против?

– Еще бы я был против!

– Вот и правильно. Говорят, Старовокзальную улицу недавно превратили в бульвар. Ты не мог бы отвести меня туда?

– Отведу, тебе там понравится.

– Гулять, гулять! Пойдем же.

Старовокзальная начиналась неподалеку. Состояла она из любимых Даной старых особнячков, садочков, фигурных заборчиков. Всякий на свой манер, со своими прикрасами, со своим норовом. Никакого сходства! Одно прекрасное различие.

Прежде тут жили дворяне, потом половину особнячков приобрели у них купцы. Новые хозяева отремонтировали ветхие здания, но перестраивать по-своему постыдились.

С недавних пор фарватер улицы заняли два ряда лип, юные неряшливые газоны и скамейки из чугуна и покрытых лаком досок, с выжженным на спинках столичным гербом.

Рэм и Дана медленно плыли меж лип и скамеек. Случайные слова и неслучайные взгляды чередовались друг с другом. Взглядов становилось все больше, слов – все меньше. Рэму хотелось поцеловать ее в губы, а не в щечку. Прямо здесь. Посреди бульвара. Вопреки фундаментальным правилам доброго тона.

Поцеловать!

Здравый смысл и нравственное чувство отчаянно боролись с этим желанием. Последние резервы были брошены в контратаку. Но их теснили, теснили...

У Южного вокзала шумела толпа. Горская конная гвардия вяло разгоняла толпу нагайками. Жандармы отчаянно свистели. Восьмой день бастуют железнодорожники, все устали: и рабочие, и жандармы, и горцы. Даже газетчики устали писать о митингах и о потасовках между рабочими и жандармерией. Разве только отчаянные листки самого радикального пошиба продолжали упорствовать.

К Рэму с Даной подскочил мальчишка лет десяти и, воровато оглядываясь, сунул Дана прокламацию.

– Возьмите, товарищи! Там самая правда об нас обо всех.

И сейчас же скрылся куда-то в подворотню.

Дана бросила рассеянный взгляд на листовку. Желтая бумага, расплывчатая печать... то ли вовсе какая-то гимназическая стеклография. Прокламация хрустнула в ее кулачке, превращаясь в комок мятой невнятицы, и полетела в урну.

Они прошли шумное место: вокзал скрылся за поворотом.

– Тебе не интересно?

– Не сейчас, Рэм. Не хочу сейчас об этом думать. У меня в семье и без того слишком много говорят о политике. Ты только представь себе: за ужином – мясной пирог с подливой из нового закона о печати, салат, заправленный парламентскими сводками, кофе с капелькой вздора от партии прогрессистов, а под занавес желе, украшенное публичным выступлением общественного деятеля господина...

– ...Поцелуя...

Извини, здравый смысл! И ты, нравственное чувство, тоже извини. Не до вас теперь.

Несколько мгновений они пытались целоваться, не сбавляя шага. Получалось не очень-то. Дана остановилась и решительно повернула его лицом к себе.

– Мама, мама, смотри, они целуются! Мама, мама, куда он ей руку положил... ой.

На сердитой скороговорке мадам, обращенной то ли к ним, то ли к дочери, они расцепились.

– Что ж, таким господином Поцелуем я не против украсить желе. Хоть и делается он общественно.

Они стояли посреди бульвара. Слева и справа от них высоким белым пламенем полыхала сирень. Семь или восемь человек, прогуливавшихся по нему в этот поздний час, смотрели на них неотрывно.

– Может, нам выбрать место... э-э-э... помалолюднее, – безо всякого воодушевления предложил Рэм.

– Да Но не так сразу, – и Дана притянула к себе его голову, поцеловала еще, легонько укусила за губу, а потом обняла, еще атакуя, но уже сдаваясь, покоряясь ему.

И Рэм отвечал ей.

Не обращая внимания на восторженные хлопки каких-то студенческих идиотов, а потом на замечание почтенной матроны, градус почтенности какой-то определил по голосу – не поворачиваться же к ней, не отрываться же!

Легкие теплые сумерки текли вокруг них. С другого конца бульвара долетала мелодия вальса – ее старательно выводил духовой оркестр пожарников. Одурающая карамель сирени

царила повсюду. То и дело слышался шоколадный цокот подкованных копыт по булыжной мостовой.

Счастье вошло в Рэма оглушительно и властно.

Его оказалось так много, так непредставимо много!

Рэм обнял Дану покрепче, поднял ее над землей и принялся кружить. Она тихонько хихикала от восторга А когда Рэм опустил ее, потребовала:

– Еще, пожалуйста!

– С удовольствием.

Юбка выделявала на ветру такие забавные штуки! Впрочем, те, кто назвал бы их неприличными, могут отвернуться и не смотреть.

– Хорошо тебе, Дана?

– Да, очень хорошо.

– Тогда еще поцелуй, пожалуйста.

– С удовольствием.

Духовой оркестр сменил вальс на марш, марш на серенаду, а серенаду на какой-то народный танец, а они все никак не могли остановиться.

Кованая решетка со львами, шествующими на задних лапах. По старинному, великокняжескому еще обычаю, в передних лапах лев обязан нести меч, секиру или, на худой конец, штандарт. В общем, что-нибудь воинственное. Но эпоха регентства многое изменила. Появился парламент, возвысились купцы и промышленники, а художники и литераторы стали истинными земными богами. Как им запретишь чудить? Вот эту ограду явно возвели при Его Высочестве Регенте. Иначе как объяснить замену мечей и прочей смертоносной арматуры на диковинные цветы? Притом у каждого из двух дюжин чугунных львов – свой цветок. Ни одного повтора И выглядят гривастые звери как цветоводы, собравшиеся на турнир.

С одной стороны на решетку льют свет газовые фонари, с другой – луна. Фонари горят куда как ярче, и они запросто победили бы луну, пересветили бы ее, но здесь, на окраине, их ставили реденько. Это вам не Большой Дворцовый бульвар! Поэтому простоватый юноша Фонарный Свет, отказавшись от борьбы, пригласил девушку-аристократку Лунное Сияние на медленный танец, обнялся с нею и поплыл по тротуару вдоль фигурной ограды. Их танец наполнил пространство близ решетки причудливой игрой теней.

– Нравится?

– Да, очень... Дана, что, ни одного повтора?

Она рассмеялась.

– Я тоже в детстве задавалась этим вопросом. Могу ответить тебе точно: ни одного.

Они подошли к воротам. За ними, в сотне шагов, стоял роскошный дом с двумя флигелями и баронским гербом на фасаде. Лев и еще кто-то там рядом со львом, из-за темени не разберешь. Горел один огонек в окне у входа, еще один – в правом флигеле. Розы теснились на большой круглой клумбе перед домом. Пышный сад окружал дом, и среди деревьев возвышалась белая беседка с колоннами и чем-то вроде крупной сосновой шишки на крыше. Шишка скорее всего мраморная. Или это не шишка? Но тоже красивая.

Дана остановилась.

«Сейчас она нажмет на электрзвонок, из особняка выйдет слуга в ливрее, otvorит калитку... и она станет удаляться. Между нами будет пять шагов, десять, двадцать... она повернется и пошлет мне воздушный поцелуй... нет, она так не делает. Помашет ручкой, улыбнется... и... и... я не хочу с ней расставаться. Я не хочу! Надо придумать, как расстаться с ней покрасивее...»

Еще один поцелуй?

Нет. Что возможно при всех, то невысказано при слуге.

Обнять ее?

Да Но этого мало...

Прочитать ей какую-нибудь стихотворную строчку?

«Как листья на ветру... Тьфу, все остальное как ветром сдуло. Тем же самым, который с листьями, наверное... Никак не вспоминается...»

Да быстрее же думай!

О, сказать ей фразу из Мемо.

У него есть красивая фраза Как там? «Расставание с человеком, который...»

– Я хочу показать тебе свои медали. Извини, пожалуйста, сейчас уже поздно... ты не против? – прервала Дана его размышления.

У Рэма на мгновение отнялся язык.

– Я... э-э-э... – в голову лезла пошлая фраза: «Я правильно тебя понял?»

Она погладила его по щеке, глядя в глаза И это было движение, смысл которого мог неправильно расшифровать только полный идиот.

Рэм порывисто обнял Дану.

Они долго стояли так, а когда отстранились друг от друга, он задал вопрос:

– А как же родители?

– Они у тетушки Даны, моей тетки.

– У тетушки Даны? – переспросил Рэм оторопело. Он все еще не верил своему счастью, и способность к здравому рассуждению от него на время отлетела.

– Ну... то есть они у княгини Даны Гаруту в имении на Голубой Змее. Она приходится мне тетей по матери. Очень добрая женщина, правда, немного чудаковатая...

«И самый богатый человек во всей Империи. Все хонтийские рудники принадлежат ее семье».

– ...вышла замуж за собственного управляющего рудниками, не из дворян...

Рэма кольнула в сердце одна неприятная мысль. Ведь он избавился от этой мысли еще в самом начале их знакомства с Даной! Но вот она опять всплыла: «Я-то какой еще дворянин!» Прадед отдал поместье за долги, дед пошел от бедности в священники, отец не верил ни в Бога, ни в беса, сбежал от деда, играл в карты, учился в Университете, оплачивая свое там пребывание картежными выигрышами, а потом сделался администратором на конном заводе в имении князей Гаруту. По большому счету, старшим над конюхами... или просто старшим конюхом. «Так сколько во мне дворянского? Название одно да еще диплом от уездного дворянского собрания. Если бы профессор Каан не был с отцом в одной университетской команде по гребле, не видать мне как своих ушей ни Университета, ни сегодняшнего дня. И уж точно не водить мне знакомство с Даной... Будущей баронессой Фаар», – все это промелькнуло в его голове со скоростью Южного экспресса.

– ...но даже не это важно. В конце концов, после Регентства все это... стало мягче... Он, представляешь, э-э-э... ну-у-у... м-м-м... он моложе ее на двадцать пять лет. Разве такой юный муж будет ее любить?

У Рэма отлегло от сердца. «Не это важно...»

– А... а... слуги? – слово «прислуга» он не желал выговаривать. По большому счету, его отец двадцать лет был в прислуге у семьи Гаруту.

– Егерь, кучер и компаньонка матери уехали вместе с родителями. Дворецкому я разрешила навестить сестру. Горничная включила горелку и делает вид, что не спит, ожидая меня. Но на самом деле давно спит. Мы ее взяли из деревни, и она привыкла ложиться рано. Если мне понадобится разогреть ужин, она встанет. Но мне не понадобится. А сторож выпустил собак и спит, даже не делая вида, что не спит. Отца-то нет. Если я позвоню, сторож встанет и откроет ворота. Но я не позвоню.

С этими словами Дана вынула из сумочки ключ и дважды скрипнула его бородкой в старинном замке. Открылась калитка.

«В моем городе их обворовали бы моментально. Столица...»

– А собаки? – спохватился Рэм.

– Они умные, – успокоила его Дана.

«И очень любят дурачатику», – подумал Рэм, делая первый шаг в сторону особняка.

Рэм взял Дану под руку, будто именно он защищал ее, а не наоборот.

Когда до крыльца с пандусом и балюстрадой оставалось не более десятка шагов, сзади послышалось шумное дыхание: «Пых-пых-пых!» – и скребот когтей по булыжнику.

– Не оборачивайся. Иди спокойно, – сказала Дана. Чудовище за спиной громко сапнуло и чем-то зазвенело. Бубенец у него, что ли, на ошейнике?

– Давай, давай сюда, Гача! Моя хорошая! Моя девочка! Хор-рошая собака...

Чудовище издало довольное поскуливание. Видно, Дана знает, где потреть его для ради удовольствия. Потом оно негромко зарычало пробным рыком.

– Гача, фу! Это свой, Гача! Сидеть. Свой, я сказала! Свой! Вот молодец, хор-рошая собака...

Опять пыхтение, сап, звяканье, скулеж, какое-то невнятное всхрюкивание... и когтяной скребот начал понемногу удаляться.

– Не беспокойся, это очень умная собака.

– А я и не беспокоился, – ответил Рэм, смахивая со лба пот.

Они зашли в дом.

Мраморные колонны, мраморные поручни у лестницы наверх, мраморные фигуры льва и орла близ ее подножия. «Вот это, значит, кто был на гербе – орел...»

– Свет только здесь, внизу. Держи меня за руку и не заблудишься.

Они поднялись по лестнице.

– Или тебе нужно больше света?

– Мне нужно то, что будет удобным для тебя.

Быстрое прикосновение губ к щеке.

– Ну, тогда.. извини, пожалуйста, не стану зажигать... Может быть, ты есть хочешь? Вообще-то мы можем...

– Шутишь?

Смущенное молчание было ему ответом. Смущение – такая странная субстанция! Его не видно и не слышно, но каким-то чудом ощущается, что оно есть.

«Ей все же не очень-то удобно. Спят там горничная со сторожем или не спят».

– Пойдем.

Они идут по коридору, сворачивают, опять сворачивают, поднимаются по тесной лесенке, еще один коридор... камень под ногами сменяется деревом. Запахи тонкого табака и мастики тревожат ноздри.

– Дана, чудесная красавица, эфирное создание... ты... заранее все спланировала?

– Э-э-э... Что именно – все?

– Вот... например... то, что мы окажемся вместе... тут, у тебя...

Из темноты донеслось ехидное хихиканье.

– О, в деталях. За трое суток уже знала, насколько ты ко мне опоздаешь.

– Ну... извини, пожалуйста, – Рэм скопировал ее интонацию.

Опять хихиканье, на этот раз – очень довольное.

– Я никогда с тобой не знаю, что будет и как будет. Просто я допускаю некоторые мысли. То есть приходит в голову какая-нибудь, скажем... приятная мысль, и я ее не отвергаю.

Дана остановилась. Мгновение спустя дверь перед нею издала протяжный скрип, который стоило бы использовать как разновидность пытки. А может быть, и казни – при десятикратном повторении.

– Мы на месте.

Дана заходит в черный прямоугольник. Рэм делает шаг за ней. Темень – как в гробу. Эфирное создание растворяется в густой беззвучной черноте. Шур-шур-шур, бур-бур-бур, будущая баронесса Фаар что-то ищет... роняет книгу... роняет пару карандашей... роняет... не поймешь: какая-то женская мелочь... бормочет себе под нос неэфирные слова... отодвигает штору. Лунно-фонарный танец вплывает в комнату, и хотя самих вещей в нем не видно, но их силуэты становятся различимыми.

– Так-то я вас, голубчики, быстро отыщу... Напрасно вы пытаетесь спрятаться, – разговаривает с кем-то Дана. – Ну вот, хорошо, что сами явились.

Чирканье спички на миг оглушает его. До чего же оно громкое в гулкой темноте! Из пальцев девичьего силуэта выпархивает один мотылек свечного пламени, второй, третий... спичка гаснет.

– Хватит тебе света?

– О да Днем я неплохо разглядел тебя. Вот только медали... вряд ли я при свечке разберу, что там на них.

Дана фыркает.

Потом с ее стороны до Рэма доносятся не совсем понятные звуки. Какое-то пощелкивание, шум ткани... Когда его глаза привыкают к трепету огненных мотыльков, он понимает – не столько видит, сколько именно понимает: Дана расстегивает и расшнуровывает то самое, что надето выше юбки. Женское и без названия.

Потом она подходит к Рэму вплотную и говорит:

– Медали я действительно очень хочу показать тебе. Мне интересно, как ты их оценишь. Честно. Давно хотела... Но медали будут утром. А сейчас...

Она поднимает руки над головой, показывая: на мне – много лишнего, не пора ли уменьшить его количество?

Этот жест делает ее уязвимой, незащитной. Этот жест отдает ее на полную волю Рэма. Нет в ней никакой уверенности, ей страшно. Он снимает то самое, без названия, приятно шуршащее и теплое. Пристально смотрит на женщину-девочку, любит ее... и замечает в глазах Даны немой вопрос.

Тогда Рэм целует ее туда, где под кожей, плотью, ребрами бьется сердце, и произносит:

– Я люблю тебя.

Рэм проснулся от странного ощущения: перина под ним ритмично сотрясалась. Он потер глаза и перевернулся на спину.

Дана в совершенно девчачьей ночной рубашке подпрыгивала на перине с довольным выражением лица.

– Чего это ты прыгаешь?

– А как же мне не прыгать! Я просыпаюсь, а ты – тут, и к тебе можно прикоснуться. А когда видишь тебя во сне, ты под утро все время куда-то пропадаешь!

– Ну надо же! Я не нарочно. А когда ты надела эту штуку... с зелеными коняшками?

– После всего. То есть совсем после всего. Нравится, да?

Солнце нагло ломилось в окно, и следовало бы сделать что-нибудь разумное или хотя бы красивое, но в голову лезла всякая ерунда. Вот, например:

– Нравится, она смешная. Только совсем девчачья.

– Так радуйся, тебе досталась такая кроха! Она не скоро постареет. А когда все-таки постареет, у нее будет старушечья, с эротичными кружевами.

Тут наконец Рэму в голову пришло разумное:

– Хочу видеть зеленых лошадок, пока они не изнасятся.

Она перестала прыгать и забралась рядом с ним под одеяло.

– Никогда не думала, что мне сделают предложение столь экзотичным образом.

В голосе ее содержался вопрос. Рэм решил выбить из-под него почву:

– Да, это предложение. Оно, конечно, должно было сделаться как-то иначе, я даже думал раза два, как бы его вытворить получше... но... оно взяло и само собой сделалось.

– Что, правда думал раза два?

– Чистая правда. Возможно, даже три.

– Тогда все очень серьезно. Дай-ка мне подумать, как бы получше вытворить ответ на твое предложение... А, вот! Хорошо, ладно.

Рэм бесконечно изумился. Он мог мечтать о Дане Фаар. Он даже смог вытворить с нею безумство. И – да, он хотел сделать ее своей женой. Но на самом-то деле... Она и он! Да разве...

– Ты... твое «хорошо, ладно» – в смысле «да»?

Она кивнула.

– Нет, правда?

– Чистая правда. Не «нет», а «да», так яснее?

– Тогда все очень серьезно... Ты прости, беспокоит меня одна мысль насчет нас с тобой.

Одна такая маленькая мысль. Барон Фаар, глава государственного казначейства, девятый человек в списке потенциальных преемников Его Величества, если император, храни его Бог, умрет... девятый?

– Восьмой.

– Вот видишь! Восьмой... В общем, семейство барона Фаара и я. И мое семейство. Ты думала про...

– Я думала. Раза два. Или даже три, – перебила его Дана. – Мой отец... очень хороший человек. Он не станет делать мне больно. Скорее всего не станет... Он все время очень занят. А когда он не занят, то очень хочет казаться строгим. Меня воспитывали, не давая поблажек. Никаких излишеств в одежде, пище, никакой роскоши.

Папа говорил: «Настоящий аристократ умеет обойтись без всего того, чем владеет. Поэтому между честью и материальным достатком он всегда выберет честь». А в любви нет никакой порухи для чести. Как ты думаешь?

Рэм собирался ответить... собирался ответить... да не важно, какую чушь он собирался ответить. Правильный ответ на такой вопрос – другой вопрос:

– Если я тебя правильно понял, то... ты тоже любишь меня?

Некоторые люди духом старше своего тела, у некоторых моложе дух. А есть и такие, у кого невозможно назвать возраст личности, притом возраст тела не играет роли. Вот только-только маленькая девочка скакала на перине в ночной рубашке, а теперь взрослая женщина глядит тебе в глаза и спокойно отвечает:

– Да Я очень люблю тебя. Давно. Уже много месяцев.

Рэм обнял ее. За окном прибавлялось света, им надо было действовать, им надо было прежде всего покинуть эту постель. Но иногда лучше не торопиться: потом всю жизнь будешь жалеть. Он не знал этого, но понимал шестым чувством, какой-то звериной интуицией, а потому долго не разжимал объятий. Дана отвечала ему, целуя грудь, плечи и шею.

Рэм хотел было сказать: «Я тебе так благодарен!» Или: «Я с тобою счастлив». Но все выходило – ерунда. Словами он сейчас мог только подпортить и счастье, и благодарность.

Потом она решила продолжить разговор.

– Я хотела тебе сказать: меня держали в строгости, не баловали, но всегда покупали самые лучшие книжки и нанимали самых лучших учителей. И еще... он возил меня в путе-

шествия... я видела всю Империю, Архипелаг, даже в горах была. А когда я болела, он по многу часов сидел у моей кровати. Не мама, нет, больше он сидел... Он будет недоволен... нами, но вряд ли станет все в моей жизни перекорезживать по-своему.

«Она вроде бы прощается с отцом... Выходит, она уже мысленно живет со мною, а не с ним!» – от этой мысли дух захватывало.

– А твоя мама?

– Решать будет отец.

Где-то внизу, как видно, на кухне, горничная загремела железьяками. У них оставалось совсем мало времени. Капля. По большому счету, времени не оставалось. Но Дана, приняв, наверное, какое-то важное решение, лежала с ним под одним одеялом, не вздрагивая и не обращая внимания на подозрительные шумы. На ее лице не читалось ни малейшего беспокойства.

Рэм попробовал еще разок – он никак не мог определить, насколько Дана понимает разницу между ними:

– Чудесная моя эфирная красавица, ты, твой отец и твоя мать – в дюжине самых родовитых людей Империи. И в сотне самых богатых. А я... Ты знаешь, кто я. И нет такого волшебства, которое изменило бы...

Дана перебила его:

– Не надо никакого волшебства. Ты сказал, что хочешь быть со мною вместе... извини, пожалуйста, ты это твердо решил, да?

– Тверже не бывает.

– В твоих словах... нет... прости... отговорки?

– Нет.

– Ну... тогда ты скоро с ним познакомишься. А меня познакомишь со своими родителями. Ты... в общем... э-э-э... не самого знатного рода...

– Я худороден и нищ, Дана.

– Ну, м-м-м... да Но большой беды тут нет. Ты все же дворянин. Сейчас все не столь уж строго, вот если бы лет сорок назад... Тут другая может приключиться сложность. Я... поздний-поздний и абсолютно единственный ребенок. Более единственных детей я не замечала.

– А как же я?

– Ты, несомненно, менее единственный... А папа захочет видеть рядом со мной надежного человека Плохо, что ты такой молодой. К тому же студент.

– А кем мне надо быть?

Рэм вспыхнул было, а потом сообразил: «Да ведь ясно же: он думает, на кого придется оставлять дочь! Наверное, лет ему уже о-го-го...»

– Кем-то.

Дана мягко положила ему ладонь на губы.

– Подожди, послушай... Ему шестьдесят восемь. И он боится за меня. Если бы ты оказался постарше, если бы у тебя имелся хоть какой-то источник... нет, не дохода... нет. Источник самостоятельности. Не знаю, как еще сказать... Ты не должен выглядеть в его глазах юнцом, витающим в облаках...

У Рэма рвалось наружу: «Да я старше тебя на восемь месяцев!» – но он смотрел на лицо Даны, серьезное взрослое лицо маленькой девочки, и видел там: жизнь его переменится. Обязана перемениться. Над многим из того, что до сих пор держалось в его голове не дольше одного чиха, теперь придется думать, и думать крепко. Брак... это брак, ребята.

А чем он, Рэм Тану, владеет на сегодняшний день? Благорасположением профессора Каана, по счастью, более или менее оправдываемым. Номерком абонентского ящика на почтамте, куда ежемесячно приходят отцовские гроши. Добрым отношением двух купеческих

семейств, где он дает частные уроки великовозрастным девицам И... собственным умом. Наличие последнего внушает определенные надежды. Во всяком случае, со вчерашнего дня.

И Рэм ответил Дана столь же серьезно.

– Я надеюсь окончить Университет на год раньше, экстерном, и в самом скором времени защитить магистерскую диссертацию. Когда-нибудь, наверное, я возьмусь и за докторскую, но наших с тобой обстоятельств моя докторская не касается. Я надеюсь, мне дадут место приват-доцента при кафедре – для приготовления к профессорскому званию. С господином Кааном уже был разговор. Но если мне не достанется места в Университете... что ж, магистру не столь уж трудно добыть должность по ведомству народного просвещения.

«Особенно если магистр направит стопы в какое-нибудь военное училище. Там ведь постоянная нехватка преподавателей по невоенным предметам... Чем ваш Мемо Пестрый Мудрец может поднять дух горной артиллерии, господин Тану?»

Сам-то он надеялся, разумеется, остаться и в Университете, и в науке, и... ну... кто ему мешает когда-нибудь сделаться академиком? Однако как разумный взрослый мужчина... да при сложившихся обстоятельствах... он должен думать о резервах, возможностях маневра и запасных позициях в тылу.

– Ты собираешься на государственную службу? – Дана состроила на лице гримаску серьезного подозрения.

– Да, я собираюсь на государственную службу! – с вызовом ответил Рэм.

– Ну, погоди у меня, господин чиновник! – и она полезла бороться.

Они возились под одеялом, пока Дана решительно не припечатала его обеими лопатками к перине. Потом она склонилась над побежденным и нежно поцеловала в губы.

– Ты подобрал очень хорошие и правильные слова... Так и скажи папе.

Она соскочила с постели и принялась переодеваться.

– Оцени, пожалуйста, я даже не стала звать горничную. Хм, а почему бы мне ее не позвать? Почему бы тебя не представить...

– Нет.

Перепугавшись решительности в его голосе, женщина-девочка (сейчас – определенно девочка) бухнулась в титаническое кожаное кресло и посмотрела удивленно.

Рэм пояснил:

– Когда он... Когда они вернутся домой? Да какая разница! – не дал он ей ответить. – Неделя, две, три. Нам не столь уж долго ждать. Я хочу, чтобы меня представил профессор Каан. Или, на худой конец, я сам себя представляю. Я приду как человек, ищущий твоей руки. Честно, среди бела дня. Будет куда хуже, если меня представят слуги – как человека, ищущего близости с тобой и больше ничего. Ведь тогда-то и выйдет бесчестие. Для тебя прежде всего.

Она огорчилась. Сделала мордочку обиженного зверька:

– А я хотела с тобой позавтракать.

«Любопытно, сударыня, когда именно ты захотела со мной позавтракать? Прямо сейчас, вчера вечером или много месяцев назад?»

– Если все у нас получится, ты позавтракаешь со мной несколько тысяч раз.

– Да-а, а я-то хотела сегодня-а... – закапризничала Дана.

А потом выбралась из кресла и заговорила совсем другим тоном:

– Я понимаю тебя. Но тогда тебе стоит поторопиться.

Он принялся натягивать исподнее, отыскавшееся на чернильном приборе.

– Ты можешь пройти через сад. Собаки уже на привязи. Посмотри в окно... видишь вон ту тропинку?

– Угу.

Он принялся натягивать штаны, отыскавшиеся под кроватью.

– Идешь по ней до самой ограды, а там маленькая садовая калитка на щеколде, замка нет.

– Понял.

Он принялся натягивать рубашку, отыскавшуюся... стыдно сказать, где она отыскалась! И ужас, до чего она жеваная.

– Когда я тебя увижу, Рэм?

По имени Дана его называла, только когда сильно волновалась.

– Завтра, после утренних занятий, в Большом читальном зале Публичной библиотеки. Вот только, боюсь, недолго мы там просидим.

Она довольно заулыбалась.

Рэм еще раз обнял ее, вышел на веранду перед окном спальни, глянул вниз... ого, высоко. ... Спрыгнул. Отошел на десяток шагов и повернулся лицом к баронскому особняку.

Дана стояла у окна и махала ему рукой. Рэм ей ответил.

К полудню Рэм добрался домой – в комнатку, снятую на деньги отца. Как только он появился на пороге, квартирный хозяин потребовал платы. Неделей раньше срока.

Он не поленился спуститься со второго этажа, где жил сам, и просидеть в ожидании Рэма не один час – на столе стояли три чашки с остывшей кофейной гущей, а на диване лежала газета «Столичные ведомости», мятая и частично разобранный на отдельные развороты. На руках у квартирного хозяина покоился серый кот уличной расцветки – существо робкое и угрюмое. Кот не любил покидать пределы второго этажа, вынужденное путешествие беспокоило его. Нервно выпучив глаза на Рэма, зверь беспокойными подергиваниями хвоста показывал, сколь тягостно для него присутствие опасного чужака.

– Отчего такое нововведение, господин Ренаду?

Тот, не смущаясь, ответил:

– Оттого, что времена беспокойные, господин студент.

– Войны не будет, это ясно! Все газеты пишут об этом.

– Перед мятежом регента тоже газеты всякое писали. А вышло вон оно как.

Ноле Ренаду был не старым еще мужчиной: он недавно проехал флажок «тридцатилетие», но из-за одутловатого лица и грузного, рыхлого тела выглядел на все пятьдесят. Станным образом все, к чему он прикасался, все, что соседствовало с ним, моментально прибавляло в годах. Вчерашний котенок приобрел характер пенсионера, недовольно ищущего самое теплое место в комнате. И чтоб без сквозняков! Роскошный костюм, дорогой шейный платок и золотые часы на цепочке, выглядывавшие из жилетного кармана, смотрелись как старый хлам. Лишь растоптанные шлепанцы, которыми господин Ренаду нещадно шаркал по нервам, казалось, соответствовали пожилому обличьем своему ветхому возрасту.

– Но... здесь же столица... Как война может нас затронуть, если... если... словом, что-нибудь все-таки полыхнет?

– Я так и думаю! Всякий патриот своего отечества должен так думать. Тут у нас с вами полное понимание. Вот только я в рассуждении... как бы чего не вышло. Сахар из лавок пропал. Крупа и керосин вздорожали. Не ровен час солонина в цене подскочит, а за нею хлеб или, скажем, чай... Как тогда жить? Не жизнь выйдет, а форменное безобразие. Что я вам скажу? Я скажу вам: надо бы как следует запастись. Потратиться надо бы. На всякий случай. В рассуждении нечаянного расстройств.

– Чего – расстройств?

– Да уж чего-нибудь да расстройств... Во избежание.

Все эти низменные страхи квартирного хозяина, души ничтожной, лишенной всяких высоких помыслов, были очень некстати. Денег катастрофически не хватало. Если бы он подступился к Рэму днем раньше – до вчерашнего выступления, до... Даны, уж точно полу-

чил бы отпор. Но сегодня Рэм чувствовал себя до такой степени счастливым, что решил не скандалить со вздорным человеком.

Зачем портить себе безмятежность? Древние учили: безмятежность – редкий товар...

Рэм вынул из портмоне два казначейских билета и положил на стол перед господином Ренаду. Тот смахнул их стремительным движением. Так, наверное, хамелеон ловит муху: ударил языком, и нет мухи.

– Вот и славненько, господин студент. Вот и чудесненько. Живите себе сколько угодно, не обращайтесь внимания на брюзжание непросвещенного обывателя. Это я в рассуждении культуры. Ведь как у нас, дюжинных непросвещенных обывателей? Мы думаем нутром, у нас все мысли – в желудке. А мозг чист. Освобожден для восторженного трепета.

– К-какого трепета?

– Этому, молодой человек, жизнь потом вас научит.

Квартирный хозяин, бережно прижав кота к груди левой рукой, правой забрал с дивана газету, а затем подцепил одним мизинчиком за ручки все три кофейные чашки. Он зашаркал было к себе наверх, но вдруг остановился.

– О, чуть не забыл! Посыльный доставил вам записочку от профессора Каана, благодетеля вашего. Выньте у меня из внутреннего кармана пиджака... с другой стороны от котика. Прош-шу.

Листок голубоватой бумаги с двумя гербами – семейства Каанов и семейства Кууров. Летящий артистический почерк патрона:

«Мне уже рассказали о Вашем полнейшем успехе. Триумф! Совершенно как у войск Белой княгини в битве у Гаргэльского моста Поздравляю.

Сообщаю грозное повеление из деканата вам как лицу призывного возраста следует сегодня же зайти в кабинет военного регистратора Примлейтенант Амо Шекагу, наш военный регистратор, занимает берлогу в корпусе «Ароматная лилия», сами отыщите. Вас должны занести в какой-то там реестр в какую-то там очередь. Ничего не бойтесь: министр народного просвещения во всеуслышание объявил, что студентов призывать на военную службу не станут. Так что это всего лишь формальность. А оттуда поспешите на свадьбу! Мне будет приятно, если Вы разделите со мной величайшую мою радость.

Будущему светилу древней истории академику Тану – Профессоришка Гэш Каан».

За полтора года до того

– Лежать, суки, лежать падаль! Рыла не поднимать, вонючие недоноски! Лежать, я сказал! Капрал Доф, стоять, рылом в болото! Куда ты... Рядовой Тану, врежь ему под колено! Рядовой Тану!

Рэм поднял лицо из болотной жижи. Вода, смердящая, будто помой, заливала ему глаза. Жирдяй Доф неся с перекошенным лицом хрен знает куда, разбрызгивая ряску сапогами. Срать ему было на то, что команда самокатчиков-федератов накрыла плотным пулеметным огнем весь их жиденский перелесок, и на локоть от земли свинец срубал все живое. Капрал захотел убежать от пуль, жирно чвакающих по мутной жидели и превращающих кочки в черные фонтанчики. Бросив оружие, он и летел навстречу смерти налегке.

Рэм оперся на винтовку и чуть приподнялся, изготавившись как следует садануть беглеца по ноге. Ляжет Доф – придет в мозги. Не ляжет – прибьют к едреням Психованный!

Пять шагов... три...

Тут болотные недра исторгли бурый гейзер в два человеческих роста высотой. Рэма отшвырнуло в сторону. Каска слетела с башки, винтовка ушла в тину. Сапоги моментально наполнились мокредью. Осколок вчистую срезал с левого плеча лямку ранца С-суки! Да что за...

Рэм выплюнул ком грязи изо рта Протер глаза Где винтовка? Утопил? Дурень! Дерьмоглот! Вот же она... Где Доф? Псих, где ты? Да ты... как же?!

Нога Дофа, наискось срезанная осколком авиабомбы, лежала прямо перед Рэмом, на крупной кочке, в обрамлении желтеньких цветочков.

А где ж остальное-то?

Рэм осторожно повертел головой. Обрубок капрала Дофа валялся в ложбинке, а под ним шевелился некто в офицерской шинели, наверное, лейтенант Чачу. Шевелился, но подняться не мог – по всему видно, и его задело осколками.

– Лежать и вести огонь! Лежать и вести огонь, огрызки, массаракш! – орал ротмистр Амо Шекагу.

За спиной опять рвануло, потом еще раз, еще и еще. Взрывной волной подняло искалеченную тушу Дофа Кувыркнувшись, она разбросала петли кишок, словно танцующая девушка с разлетающимися косами. Лейтенант Чачу – а это оказался именно он – выбрался из ложбины, перевернулся на спину и принялся елозить по сухому пригорку, зажимая рану в голени. Скорее всего он орал, но Рэм Тану его воплей не слышал. Вокруг стреляли, кричали, взрывались авиабомбы, и он напрягал слух, чтобы услышать во всей этой какофонии только одно: команды ротмистра Шекагу.

За этот день Рэм раз десять проклял последними словами свой рост: ну почему он уродился таким оглоблей? Ну зачем он такая длинная мишень? Отчего ему не быть мишенью покороче? Слишком длинных, как, впрочем, и слишком толстых, а вместе с ними и просто широкоплечих свинец находит куда чаще, чем карликов с комплекцией черенка от лопаты!

...Напоследок бомбой разнесло в щепы гнилой пень, торчавший из болота на расстоянии десяти шагов от него. Ни один осколок не задел Рэма. Но сырая труха из сердцевины пня ударила прямо в глаза и совершенно ослепила.

– Вести огонь! По опушке березняка, по мотоциклам! Огонь!

Какой там огонь! Рэм валялся меж двух бугров, распаханых пулеметными очередями, выл и ожесточенно тер глаза Только не зачерпывать воду из болота! Промоешь смердящей болотной пакостью, и массаракш глазам.

Стало чуть тише. Убрался наконец легкий бомбардировщик-биплан, метавший бомбы, пролетая чуть ли не у самых макушек леса Видно, исчерпал смертоносный запас.

– Передать по цепи! Отползаем за холм с голой вершиной! Недоноски! Передать по цепи, – хрипел сорванным голосом ротмистр Шекагу, – за холм с голой вер-ршиной!

Где этот проклятый холм? Где он? Куда ползти, когда глаз не разлепишь?

Рэм почувствовал, как чья-то сильная рука хватает его за шиворот и тянет в нужном направлении.

– Ну, понял, куда тебе надо, братишка? – кто-то интересуется совершенно спокойно и даже, кажется, малость насмешливо.

Чмок! Чмок! Пули взбивают фонтанчики перед самым его носом, влага попадает на щеки, но Рэм ни рожна не видит.

– Я ни рожна не вижу. Глаз разлепить не могу.

– Осколком выбило?

– Просто разлепить не могу. Такая др-рянь...

– Ты, главное, ползи. А я тебя, когда надо, пхну, чтоб не отклонялся.

И Рэм полз. Рылом через крапиву, на четвереньках, распарывая ладони о какие-то острые сучки, но все-таки полз. А время от времени его дружелюбно пинали:

– Давай, брат, левее!

Казалось, никогда не кончится его слепой поход по кочкам и ямам, наполненным жидкой массой, издающей зловоние. Пару раз он утыкался плечом в низкорослые деревья, росшие там, где посуше.

Захотел сдохнуть. Лечь и сдохнуть тут. На хрена такая жизнь? Но продолжил ползти на одном упрямстве.

«Я тебе, гадина, не барчук какой-нибудь изнеженный, я крепкий, я закаленный, я все вынесу, я тебе, гадина, не позволю меня тут похоронить», – говорил он неведомо кому.

– Сто-ой! – донеслось до него.

А дальше – обычная армейская невнятица выставить кому-то там охранение... обсохнуть... перемотать чего-то там портянки... не выходить из-за какого-то склона... уроды и недоноски...

Слева его пнули весьма чувствительно. Рэм сделал еще несколько шагов, вернее, ползков вправо и ощутил под ладонями сухую траву. Брякнулся наземь. Подтянул винтовку поближе к себе. Сейчас из нее не постреляешь, вся в тине, а потом еще, даст Бог, пригодится.

– Что там у тебя с глазами, дружище? Не повыдирал их еще с корнями-то? – раздался рядом тот же спокойный и насмешливый голос.

– Да просто гнилью забило... а промыть...

– Ну, еще! Не этой же тухлятиной. Ляг на спину, братишка Руки по швам! Не мешай мне, я промою чистенькой.

Рэм так устал, что подчинился без споров и расспросов. Рефлекторно дернулся, когда ледяная водица потекла по лицу. А потом кто-то нежно, аккуратно, по-отцовски вытащил всю вонючую труху у него из глаз.

– Не бойсь, я и руки прополоскал.

– Откуда... чистая вода?

– Из фляжки, брат. Ты бы сам живо сообразил из своей полить, только вот испугался чуток, оттого и в голову не пришло.

Наконец Рэм разлепил глаза. Хорошо-то как! Тишина – стрельба почти что сошла на нет. Солнышко светит, птичка вон какая-то на чахлой болотной березке сидит. Ребята костерок затеяли. И, главное, никуда не надо ползти.

Благодать.

Разве только тело чье-то в десяти шагах от берега плавает рожей книзу, кровь из спины течет и мешается с черной грязью. А так – хорошо.

Вблизи от Рэма стоит мужик с простецким лицом рабочего, кряжистый, коротконогий, с мощными ладонями – просто не ладони, а грабли. На нем ладно пригнанная форма пехотного капрала По болоту вместе со всеми полз, а форма все равно нигде не задралась, не перекосилась. Ремень с пряжкой – как влитые. В левой руке у него – трофейный карабин, легкий и удобный, куда удобнее имперской винтовки, а в правой – ранец Рэма с драной ляжкой.

– Ты его чуть в болоте не утопил, – говорит мужик и швыряет ранец Рэму под ноги. – Держи, бедолага.

– Спасибо... Вот спасибо! Выручил. Хочешь папиросу? У меня есть папироса...

– Чего ж, не откажусь.

Крепыш ловкий движением принял «горскую» и сунул за ухо. На удивленный взгляд Рэма он ответил:

– Да потом скурю. Прежде обсохнуть бы надо.

– А ты... что-то я тебя раньше не видел.

– Раньше меня тут и не было. Раньше я был в 112-м пехотном полку. А еще раньше я был в школе младших командиров. А совсем раньше – на верфи ремонтником.

– Как же ты из 112-го... к нам?

Тот хмыкнул.

– Как? Да обычно. Вместе с вами в «котел» попали. Только от вашей академической бригады покуда что-то осталось, а от нашего полка – я да еще трое парней. Прибились к вам вчера.

– Ну, теперь вместе вылезать будем. Рэм. Рэм Тану меня зовут.

– Дэк Потту. Сейчас отдохнем, и я тебя со своими познакомлю. Тут они, поблизости.

На болото опускались сумерки. Люди, смертельно усталые, бродили по холму, выпиравшему из трясины подобно острову над морской пучиной, и собирали хворост. Впервые за много часов они не боялись внезапного нападения. Холм закрывал их от пулеметов карательной команды, а по хлябям к ним не пойдут: так ведь и свои головы положить можно.

Рядом с Рэмом на берегу сидел лейтенант Чачу. Злой, аж лицо почернело от злости. Или у него всегда лицо такое вот... смуглое? Стянув сапог, он промывал рану на ноге. То и дело морщился, но стонать себе не разрешал и только шипел время от времени сквозь стиснутые зубы. Промыв, вытащил из офицерского планшета пластырь, бинт и попробовал перевязать себя. Но как он ни вертелся, а все выходило либо очень больно, либо очень неудобно.

– Давайте я вам помогу, ваше благородие. Ни к чему вам напрасно мучиться.

– Валяй, солдат.

Они странно похожи друг на друга – Дэк и лейтенант Чачу. Оба невысокие, широкоплечие, настоящие здоровяки. Голоса такие, что можно перепутать. Оба напоминают хищных зверей. Только у капрала Потту башка обрита под ноль, а у офицера – короткая стрижка с ранними залысинами.

Пока Дэк возится с ногой ротмистра, тот, откинувшись на спину, увлеченно насвистывает «уймись, мамаша...». И только один раз позволяет себе стиснуть рукой землю, вырвать черный ком и раздавить его между пальцами...

– Кончено дело, ваше благородие.

Дэк выпрямляется и идет к Рэму.

– Стой, солдат! – каркает лейтенант Чачу ему в спину. – Поди сюда.

А когда тот возвращается, офицер протягивает ему особенную коньячную фляжечку – не армейский тупой пузырь, а изящную гражданскую вещицу с вензелем Ее Величества – Хлебни. Ты меня сегодня вытащил. От смерти спас, благодарю! Но кроме этого, отплатить мне пока нечем. Выпей за мое здоровье.

Дэк, не чинясь, запрокинул голову и выхлебал добрую половину мелкой посуды.

– Премного благодарен, ваше благородие!

– Да без благородий. Как вылезем из «котла», так благородия начнутся. А пока пусть будет «господин лейтенант». Усвоил?

– Так точно, господин лейтенант.

– Как тебя?

Дэк представился по форме.

– Я тебя не забуду. Живы останемся – представлю к медали. Отдыхай.

Раненый устало гладит себя по затылку, разглядывая голень. Вид раны ему очень не нравится. Безрадостно ощерясь, офицер произносит:

– Для пехоты я теперь – кусок дерьма. Но для бронемоторизованных, может, еще сгожусь.

Рэм с трудом стягивает сапоги. Что за наказание! Прошлый раз он снимал их двое суток назад, ноги разбухли, и тяжелая армейская юфта едва-едва стаскивалась с них. Хорошо хоть, подошва нигде не отстала. Вот было бы горькое горе – зачинить-то некому и нечем...

Вынул ходули мясные. Отдохните, родименькие! Вы у меня чуть живы.

Вместе с ними вынул две грязные измочаленные тряпки. Не портянки – подтирки сортирные! Давно сбились на хрен, мокрые, продырявленные. Выстирать? Ну да, в тине болотной! Придется терпеть. Левая ступня вон замозолилась в двух местах, о, там вон кровушка даже есть... Правая – как камень. Ни мозолей, ни потертостей, ни натоптышей, ничего. Она к солдатской жизни почему-то быстрее приспособилась, чем левая.

Кроме собственных ног и портянок, Рэм выгреб из сапожных труб два кома бурой грязи. Вони-то!

Мемо! Любимый мой Пестрый Мудрец! Как бы ты решил сложную философскую задачу: где достать сухие чистые портянки, когда ты обретаешься на острове посреди болота? Тебе, наверное, такие задачи решать не приходилось. Не подсурипила тебе судьба такой вот пакости... Ты – счастливчик!

Дэк, с сумрачным видом исследовав свои тряпицы, повернулся к нему и сказал:

– Есть у меня, рядовой Рэм Тану, боевой приказ для тебя...

– А?

– Не «а», это не по уставу, а «готов к службе»!

– Угу.

– Короче говоря, посиди тут, посмотри за моими сапогами с мочалками с этими воньками, да еще за сапогами и теми же причиндалами моих трех ребят. Эй, пересядьте сюда! Ближе! Вот так. А мы, брат, сходим, соберем щепочек, костерок нам нужен для просушки. Сейчас щепочки всем понадобятся, так что в самый раз поторопиться, а не быть тупыми резцами. Тупые резцы ни к какому делу не пригодны, верно? Давай, брат.

Рэм состроил ему гримасу, мол, посижу, не беспокойся. Он до того устал, что даже говорить не хотелось.

Полчаса спустя солдат Рэм Тану уже располагал сухими портянками. Хотя бы сухими, о чистых и речи заводить не стоит...

Незадолго до наступления полной темени к их костерку подошел ротмистр Шекагу.

– Чачу! Лейтенант Чачу! Ты здесь?

Солдаты обозначают попытку вскочить и вытянуться в струнку, но ротмистр машет им рукой, мол, сидите, не дергайтесь.

– Я ранен, Амо. И я не могу встать.

– Передвигаться можешь?

– Самостоятельно – нет.

– Так. Вот это херня.

Ротмистр обходит костер и усаживается на ствол поваленного дерева рядом с лейтенантом Чачу. Он говорит приглушенно, и даже Рэм, сидящий ближе прочих к офицерам, разбирает едва ли половину сказанного. Но даже от тех обрывков, что ему удастся понять в их беседе, на Рэма веет смертной тоской. Ни сейчас, в сумерках, ни потом, ночью, на них не пойдут. А утром – одно из двух: либо накроют бомбами, либо выждут часа, когда остатки бригады пойдут в атаку, и перестреляют, как мелкую охотничью дичь. Еще до того, как им удастся нанести удар. Ноль шансов. «Ты понимаешь, о чем мы... да, либо героически... либо в плен, Амо, это ж понятно... и как ты?.. я?.. кроме меня, офицеров в бригаде?.. ты и я... убит... убит... тяжело ранен и бредит... без вести пропал».

Лейтенант Чачу приподнялся на локтях.

– Ясно! – голос его зазвучал громче. – Ни то, ни другое. У нас есть шанс.

Бу-бу-бу? Рэм не разобрал, что именно спросил Шекагу, но по смыслу ясно. Какой такой шанс? А по тону яснее ясного: ротмистр недоволен был, что теперь их слышат нижние чины.

– Мы устали, Амо. Мы выдохлись. У нас полно раненых. От бригады остался в лучшем случае батальон. Верно?

– Полтора. Если считать тех, кто прибился уже в «котле». А без них – меньше батальона.

– Сколько у нас истребительно-противотанковых ружей?

– Осталось три.

– Да не важно, сколько именно. Важно, что ерунда у нас осталась. Важно, что они там...

– Чачу продырявил пальцем воздух в том направлении, где до федератов было ближе всего, – ...ждут нашей слабенькой атаки либо после полуночи, либо под утро. Мы отоспимся, отожремся, а уж потом заглянем смерти в очи. Вот чего они ждут. А через час, по первой темноте, нас еще ждать не будут. Расслабятся они там. И если бросить нас в прорыв через час, едва живыми, то... есть шанс. Передай там... в штаб бригады.

– Передавать некуда. Мы – штаб бригады.

– Как так? Ты же начштаба университетского полка?

– В бригаде осталось два офицера выше взводных по должности. Ты и я.

– Тогда проще. Отдай правильный приказ, Амо.

– Они не поднимутся, – тихо-тихо сказал Шекагу. – Они сдохли сегодня, лежат едва живые. Их не поднять.

– Они поднимутся, Амо, – громко, во весь голос ответил Чачу. – Даже не потому, что хотят жить. Просто ты прикажешь, и они поднимутся. Ты офицер, они – солдаты. Брось их в прорыв, половина ляжет, а другая половина выйдет с честью. Сделай их героями, Амо.

Рэм слушал раненого лейтенанта со все возрастающим ужасом. Каждая мышца в его многострадальном теле кричала «Нет!» Каждая кость вопила «Я не хочу двигаться!» Все существо Рэма надрывалось: «Надо поспать! Я просто умру без сна! Я умираю!» Как это так: подняться и идти по болоту, опять по грязи, в сырых портянках, не разбирая пути, в кровь сбивая ноги? Да как это так? Ведь никаких сил нет! Откуда он взялся на наши головы, тварюга эта, лейтенант Чачу? Гадина! Всего три недели с нами, а уже угробить норовит!

– Я уже побывал в «котле», Амо, – негромко добавил лейтенант. – Даже не думай сдаваться в плен. Во-первых, позор на всю жизнь. Во-вторых, пока нас доведут до тех мест, где пленных кормят, с голоду падет все та же половина, что и на прорыве. Это федераты, Амо. Свины, падаль.

Ротмистр не отвечал ему. А Рэм думал, до чего же хорошо было бы сейчас отоспаться. Какая, массаракш, разница, чем их встретит утро? Убьют – ладно, отдохнем еще дольше, отдохнем как следует! В плен возьмут? Он не спал третьи сутки: пока они блуждали по тылам федератов, спать вообще доводилось лишь урывками, по часу, в лучшем случае по два. И Рэм готов был стать пленником, если бы ему за это подарили хотя бы шесть-семь часов нормального спокойного сна. Плен? Да хрен с ним, плен так плен... Плен будет потом. А сейчас – спать.

– Хорошо, – ответил ротмистр. – Через час. Хотя бы портянки обсушат недоноски мои... академические.

– Вот это – дело!

Теперь оба говорили тихо, и опять их мог слышать один только Рэм.

– Сейчас распоряжусь... А пока скажи мне, что делать с ранеными? С тобой, например?

– Сколько тяжелых?

– Считаю тебя, человек тридцать.

– Ясно. Всех оставить. Чтобы остальные могли выйти. И меня – оставить. Я офицер, буду вести переговоры. А когда нас придут брать, распоряжусь как-нибудь своими потрохами.

– Заткнись. Ты точно не можешь передвигаться?

– Исключено. Полное дерьмо у меня с ногами.

– Так. Тебя понесут на носилках.

– С ранеными должен остаться хотя бы один офицер. Если я не останусь, это бесчестье.

Ты сам офицер, ты должен пони...

– Отставить! – Шекагу зашипел, словно рассерженный кот. – Сопли! Душ-ша гимназическая! Это приказ.

Чачу ответил ему спокойно:

– Здесь ты можешь приказать солдатам А мне – нет.

Сказал так, будто констатировал простой и ясный факт...

Пауза.

– Ты мне нужен, Чачу. Я командир бригады, и ты мне нужен. На прорыв пойдут четыре сотни бойцов, у них пулеметы, знамя, истребительные ружья с боезапасом, полковой огнемет... А обстановка – сам видишь какая. Если меня подстрелят, они просто разбегутся. Бригада перестанет существовать. Ясно тебе? Им нужен кто-то из офицеров. Кто-то, способный отдавать приказы, если меня убьют.

И только тут Рэм почувствовал – не осознал, а именно почувствовал, как близко к нему подобралась смерть. Все эти дни он бегал, стрелял, даже убил одного федерата в стычке при переходе шоссе, таился от бомб и пуль, прижимаясь к земле, но на то, чтобы как следует испугаться, ему просто не хватало времени. Сначала – боялся. Потом ощущение страха притупилось. И вот оно опять подняло голову, вот оно опять ковырнуло кишки холодным лезвием. Прорыв... а там пулеметы... хаос... куда бежать? Офицеров перебьют, мясо в мундирах ляжет на дно этого болота, никто не скажет потом, кто у какой кочки подох! В темноте, ночью, командиров нет, никто не покажет, куда бежать, куда стрелять, как спастись...

Лейтенант Чачу долго не отвечал. Потом огорченно произнес:

– Выходит, так и так – бесчестье. Останусь – брошу тебя и студентиков с винтовками.

Пойду в прорыв – брошу раненых. Сволочь ты, Амо. Не дал мне помереть, как человеку.

– Идешь со мной?

– Иду. Вернее, несут меня...

– От этого бревна пять костров – все твои. Сверим часы.

Негромкое звяканье отшелкиваемых крышек. У ротмистра играет мелодия «Танец с девушкой из провинции». Приглушенная ругань.

– Массаракш, никак не могу отключить! Ровно через час поднимаешь своих. Ждешь.

Сигнал к прорыву – две зеленые ракеты. Ясно?

– Так точно.

Ротмистр Шекагу встал и огляделся. Ближе всех лежал Рэм, чуть поодаль, рядом с костром, – Дэк. Офицер встряхнул одного, другого...

– Встать!

Оба со скрипом подняли кости с земли, подобрали оружие, приняли подобие стойки «смирно».

– Сонные мухи! Ветошь! Хотите по куску торта, девочки?

– Никак нет, ваше благо... – забурчали Дэк с Рэмом, но Шекагу жестом велел им заткнуться.

– Ваша задача: за полчаса соорудить носилки для лейтенанта Чачу. Видите молодые деревца у воды? Срубите. Или просто сломайте, если рубить нечем. Добавьте плащ-палатки. Приложите мозги. И чтобы носилки через полчаса были! Я проверю. Как только сделаете носилки, можете отдыхать. Приказ ясен?

– Так точно, ваше бла... – еще один нетерпеливый жест.

– Потом понесете лейтенанта через болото. Есть вопросы?

– Никак нет, ваше...

Ротмистр ушел, не дожидаясь полного уставного ответа.

Дэк спросил, сонно потирая глаза – Рэм, какую-то херь я пропустил... Может, ты знаешь, куда мы тащим лейтенанта?

– Отставить, капрал! – донесся до них раздраженный голос раненого. – Отставить носилки! Я отменяю приказ ротмистра Шекагу. Офицер на носилках – дерьмо свинячье. Возьмете меня под плечи, тогда на одной ноге я как-нибудь удержусь.

– Спасибо, господин лейтенант.

– В жопу спасибо. Отдыхайте оба Сегодня еще постреляем.

Дэк поманил к себе Рэма:

– Давай, брат, поближе к костру. Холодает. И портяночки сюда, к теплу, иначе сам знаешь.

А когда Рэм устроился рядом, капрал осторожно, стараясь не привлекать внимания остальных, спросил у него:

– Я тут вздремнул... Рэм, дружище, в кого нам еще пострелять придется? Что за шпиндель с шестернями? И почему – сегодня? Или я уже проспал полночь, и лейтенант про утро нам говорил?

– Нет, Дэк. Полночь еще не скоро. И до полночи мы с тобой на бережку не досидим. Придется опять лезть в болото.

Дэк огорченно покачал головой. Потом потянулся к ранцу, не торопясь открыл его и достал тряпицу с харчами. Аккуратно разложил сухарьки, один сунул в карман штанов. Вскрыл банку консервов – каша с салом. Надо же, какой запасливый! Сколько дней в «котле», а у него консервина сохранилась! Ну, силен.

Рэм, подчиняясь магии размеренных движений Дэка, также вынул остатки своего пайка Те же сухари да эрзац-сахару два куска Дэк присвистнул и, улыбаясь, предложил ему:

– Давай-ка, брат, поделимся. Тебе полбанки моей каши, а мне кусок твоего сахара С детства сладкое люблю.

Рэм обрадованно кивнул. Полбанки за кусок сахара – отличное предложение! Лучше не придумаешь.

– Дэк... Ты только скажи мне, почему ты вдруг с ужином тут затеялся? Лучше уж под утро: днем силы понадобятся.

Капрал, все так же улыбаясь – само спокойствие! – ответил ему:

– Знаешь, парень, похоже, до утра мы не доживем. Ни ты, ни я. Так зачем лишать себя такого удовольствия – пошамать напоследок? Мертвецам каша без надобности.

– А-а... зачем тогда ты один сухарь в карман сунул? – ошарашенно поинтересовался Рэм.

– Вдруг все-таки доживем? Тогда днем силы понадобятся.

Рэм не нашелся, что ответить на речи столь предусмотрительного человека Подумав, он тоже отложил сухарик. Самый маленький.

– Рэм... у тебя во фляге нормальная вода осталась? Не из болота.

– Есть, Дэк. Полпосудины.

– А у меня пара чайнок. Лей-ка сюда, в котелок, я пристрою его к огню. Страсть как чайку хочется!

За полгода до того

– ...Если вы их не остановите, никто их не остановит. Федератам уже всыпали, они выдохлись, им надо чуть-чуть добавить, и они встанут. Вот только добавить им некому. За вами – бригада генерал-губернаторского ополчения. Нищие, бродяги, школьники да еще несколько благородных энтузиастов, пришедших в армию волонтерами, дабы сражаться за Его Величество и высокие идеалы Империи. Они не умеют стрелять. Они не знают воинской

дисциплины. Они видели танки только на картинках. И бронемоторизованный кулак федератов пройдет через них, как нож сквозь масло...

Чачу говорил спокойно, размеренно. Он обращался к тем, кто провел на войне больше года и не лег отоспаться в сырую землю. Им много раз приказывали «стоять насмерть», «в едином порыве ворваться», «не щадя сил и самой жизни, сделать все возможное».

Теперь он требовал сделать невозможное. Не столько даже требовал, сколько просил. Объяснял.

Его слушали внимательно. Человека, который месяцами сидел рядом с тобой в окопах, брел рядом с тобой по бесконечным дорогам, ночевал рядом с тобой в одном доме, а то и просто в поле, если придется, человека, который штурмовал Гаанзайский перевал, едва не сдох под бомбами на переправе через Голубую Змею, а потом форсировал ту же самую Голубую Змею в противоположном направлении и ни разу не показал себя ни трусом, ни свиньей, ты обязательно станешь слушать внимательно, коли сам ты не свинья.

– Я говорю вам, медведи: сегодня у этих штатских мокриц одна надежда – вы. Если вы им поможете на совесть, если они не разбегутся, когда на них малость нажмут, если их не переколют штыками в открытом поле, как стадо овец, то еще проживут малость. Еще я говорю вам, медведи: сегодня у всей Империи одна надежда – вы. Остановите их – устоит фронт. Не остановите – все рухнет к едреням...

Чачу тяжело опирался на трость. Правая рука его дрожала от напряжения. Прошлой ночью истребительный батальон совершил такой пеший переход, что люди со здоровыми ногами отставали и падали по обочинам, хлопая жабрами, точно выброшенные на берег рыбины. А этот, со своей продырявленной, шел вместе со всеми, не жаловался, и вместе со всеми же пришел на передовую, и вместе со всеми рухнул, чтобы проспать пять часов, а потом с вечера – с вечера! – изготавиться к бою.

– Третье говорю вам, медведи: у меня назначение в бронемоторизованную бригаду. Наконец-то, массаракш, перестану тут с вами оттапывать ходилки... Я должен был убыть на место еще вчера утром. Я остался. Если вы все здесь сдохнете сегодня, то я сдохну с вами заодно, за компанию, чтобы вам было не так скучно.

Строй отозвался сдержанными хохотками. Ветеранам дозволено похохатывать в строю. Заработали.

– Вы ведь знаете, сдохнуть все равно когда-нибудь придется. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Не послезавтра, так через сорок лет. Какая разница? Мы от этого дела не увиливаем, но и не торопимся...

Тут к нему приблизился толстощекий лейтенант в новенькой, щегольской форме, со сверкающим планшетом «Из штаба бригады, наверное. Мол, пора бы и по местам...» – подумал Рэм. Чачу, тощий, в полинявшей и выцветшей форме ротмистра, просто отмахнулся от штабного. Не лезь, шавка, к медведю. Медведь сам знает, когда ему что делать.

– Короче, сегодня на нас свет клином сошелся. Давайте, медведи. Сломаем хребет этим упырям с юга. Пусть их жены и мамочки поплачут о бедных своих ребятках: следующий раз, может, отговорят их затевать мятеж против Империи... Делайте свою работу, солдаты! Я с вами, мы победим.

Тут к нему обратился полковой священник. Слов честного отца было не разобрать. А вот ответ, извергнутый луженой глоткой господина ротмистра, отлично услышали все:

– Что? В жопу молебн. Командиры рот, ко мне!

202-й истребительный батальон сохранил в своем составе человек аж сорок из тех ребят, которые начинали войну в академической бригаде. Бывшие студенты, бывшие приват-доценты, бывшие служащие Университета и Академии... Две с лишним тысячи легли их в землю с первого бомбового удара федератов до сегодняшнего дня. К «академщине» прибились окруженцы из разбитых и рассеянных соединений, да еще в батальон регулярно

вливали новобранцев. Батальону удавалось выживать и время от времени жечь танки южан. Поэтому командование 2-го стрелкового корпуса относилось к истребителям как пьяный забулдыга к крупной монете, оставленной на черный день и на сей момент единственной солидной среди мелких медяшек, оставшихся в кошельке. В случае чего ее можно, конечно, истратить. Но только в очень серьезном случае.

Поэтому батальон расходовали бережно.

Расходовали и добавляли новичков – сколько надо, чтобы ветеранская часть сохранила боеспособность.

Наверху их начали уважительно именовать «медведями». Кажется, их даже знали по ту сторону фронта.

В это утро Чачу обращался помимо четырех десятков «старожилов» к дюжине бывших окруженцев и полусотне новобранцев. Всего сотня с копейками... Последнюю неделю батальон не вылезал из боев. Кажется, настало время, когда забулдыга решил пропить свой последний золотой.

Комроты отвел своих обратно на позиции, еще с вечера изученные вдоль и поперек. Каждый знал свое место. Каждый гонял ополченцев как Сидорову козу, заставляя открыть именно такие огневые точки, какие можно будет использовать оптимально, и именно там, где они должны быть, а не там, где их понатыкали неопытные молодые офицеры. Каждый хотел выжить. А потому все приучились думать, как бы получить максимум шансов для такой малости.

К тому времени в роте Рэма оставалось семнадцать человек. Зато это была рота тяжелого оружия. Два станковых пулемета, четыре истребительно-противотанковых ружья, один полковой огнемёт, который, правду сказать, в столкновении с танковым кулаком южан мог пригодиться как зайцу – паровой двигатель... Но пехоту федератскую штурмовую погугать огнеметом можно.

Ранняя весна, а солнце жарит вовсю. И это еще утро! Полдень наступит часа через три, и тогда никто не сможет ни стрелять, ни бегать. Все, наверное, будут только лежать.

Перед линией окопов лежала безлесная равнина, расчерченная вдоль и поперек кривоколенной геометрией сельских дорог и неглубоких оврагов. Пара прудиков, обмелевших по летней поре. Два десятка воронок, оставшихся после недавнего арналета – беглого, небрежного. Дюжина березок по обочинам самой широкой дороги. И чистое, белое небо, соединявшееся с горизонтом, словно фарфоровая стена, о которую бьется приливная волна зелено-бурыми земли.

– Хорошо, ровно... – произнес Рэм.

– Отчего ж хорошо? – спросил у него Гай Фильш. Этот горбоносый хонтиец попал в истребительный полк после того, как из музыкальной команды его выгнали за ссору с дирижером. Начальство не стало разбираться, по какой причине Фильш затеял надеть ему тубу на голову, а сам Фильш просто не любил, когда его задницу ощупывает кто-либо, кроме горячо любимой жены.

– Да оттого, что им долго идти до нас. А пока они добираются, мы имеем возможность убить их достаточно много.

– Но... овражки... воронки.

– Отлично! Пускай лягут там и лежат. В самой дальней воронке и всем скопом. Вот только здесь делать им нечего... На первую позицию, парень.

И они зашагали к передней линии окопов, туда, где траншея образовывала тупой угол острием в сторону неприятеля. Там Рэм облюбывал едва заметную ложбинку, поработал саперной лопаткой, обустроил себе место – так, чтобы оно оказалось ниже общей насыпи, тянувшейся перед траншеей. Фильш тогда еще ворчал: мол, сектор обстрела никакой, скосы

насыпи загораживают... Рэм, помнится, послал его подальше жестоко и оригинально: сопли нос не учат! Тот обиделся, конечно. Да и хрен бы с ним.

Ничего. Если выживет, поймет: не столь уж сложно предугадать, где именно пойдет танк. И тебе не нужен сектор обстрела о-го-го, если ты сможешь прицелиться в него там и тогда, где и когда он просто *обязан* подставить тебе уязвимое место.

Тебе куда как нужнее оставаться незаметным. Очень долго, до упора оставаться незаметным.

Они топали по позициям ополченцев, молча и с торжественно-мрачным видом. Ствол «Дурехи» – на левом плече у Рэма, а приклад – на левом плече у Фильша. Бородатые дядьки и безусая шантрапа искательно улыбались им. Как-никак – ветераны, истребители, сила! На них одна надежда! Кто-то говорил им, мол, не выдайте, ребята. Кто-то дышал перегазом в самую морду, норовя похлопать по плечу. Один капрал протянул им фляжку: «Хотите выжрать?» – но Рэм, ни слова не говоря, прошел мимо. Ему бы сейчас не расслабиться, а сосредоточиться на полную катушку. О Фильше и говорить нечего: хонтийцы спиртягу не жрут, им вера запрещает.

– Они же все бухие, Рэм! Они же вдрызг!

– Отлично, Гай. Не ссы. Тем позже разбегутся...

Добрались. Рэм устроил «Дурехи» так, чтоб ей удобнее стоялось. Примерился. Поправил. Огляделся. Две линии окопов, заполненные бухими тараканами. Отдельные стрелковые ячейки тут и там. Чуть правее, на возвышении, – две противотанковые пушки. Еще две должны быть в центре, но их не видно. Где-то там, рядом с ними, засел Дэк Потту с Козлом и еще пулеметчик... как же его? Толстый такой. Ну, толстый и толстый, скоро похудеет. На войне все скоро худеют, кроме тыловой сволочи. Еще дальше, за расчетом Дэка, окопались Белый и капрал Ваду. Там же огнеметная команда и НП ротмистра Чачу.

По большому счету, для танкового клина федератов это не преграда. Так, скушать на завтрак, слегка оцарапав небо какой-нибудь особенно упрямой косточкой. Южане – серьезные ребята. И к драке они хорошо подготовились, может быть, даже лучше, чем Империя, – непонятно почему! Только это если брать в расчет свежих, не измотанных федератов. Не битых, не терявших людей при прорыве других оборонительных линий, не попадавших под бомбежку. А те, кто сегодня придет за жизнью Рэма и остальных ребят, – те уже давленные-травленные, до смерти уставшие. Им уже белый свет с копеечку...

«Есть шанс...»

Ему бы очень хотелось, чтобы какая-то огромная надмирная сила закрыла его от пуль и осколков, не пустила бы к его плоти и костям гусеницы танков и штыки пехотинцев. Вот только назвать ее и призвать ее на помощь Рэм не умел.

Посмотрел на бледного Фильша. Дрожит, сучонок. Но хоть не треплется. Есть у него такая дурь: только наметится серьезная драка, и его тут же на болтунчик пробивает.

– Молись, Фильш.

– А? Да. Но я же по-своему, ты ж понимаешь.

– Да хоть как. Молись.

И тут с неба донесся знакомый гуд, самый пакостный звук изо всех, какие производит на свет война.

– Басовито они... зудят. Что за...

– Штурмовики, Фильш. Нас будут выглаживать долго и нежно, Фильш. Зарывайся в поглубже, носатый хрен!

Хуже этого ничего быть не могло. Штурмовик «Бронекрепость», по сути, такой же танк, только летающий и к тому же начиненный бомбами, как беременная рыба икрой.

– Сейчас, гадина, станет пикировать...

В отдалении жиденько затыкали зенитки.

«Почему их всегда так мало?» – это была последняя здравая, доведенная до логического финала мысль Рэма Потом сверху раздался надсадный рев пикировщика, земля встала и пустилась в пляс, их с Фильшем трясло, плющило, засыпало комьями чернозема... «Дурехи» куда-то полетела... тупая рожа убитого ополченца... ох, больно... твердая... штука... да сколько можно... с-сволочь... оглох... не слышу ни рожна... оглох... где... свет... как же много на мне земли... тяжело... наверное, всех уже положили... опять... темно... теперь он изо всех пушек... чешет... из пулеметов... гадина..

Когда все закончилось, Рэм лежал на своей «Дурехи». Фильш сидел неподалеку, обхватив голову руками, раскачивался и выл.

– Ты что, ранен?

Воет.

– Ты что там, ранен, Фильш?

Ноль внимания.

Рэм встал, отряхнул «Дурехи» и треснул второму номеру расчета по заднице. Тот вскинулся:

– Ой! А я не слышу ни хрена...

Рэм и сам только что ничего не слышал. С полным пониманием такого дела он заорал Фильшу в самое ухо:

– Ранен?

Тот помотал башкой.

– Контужен?

– У-у-у– голова болит...

Рэм показал ему в ту сторону, откуда нарастал совсем иной звук, не похожий на визг и рев пикировщиков. Этот новый звук был гораздо гуще и ровнее.

– Не слышу!

«Ясное дело, дурень, и не скоро еще услышишь, ты головой верти!» – Рэм поднес кулак Гаю к самому носу. Потом разжал его и показал пальцем, мол, разуй глаза и посмотри, глухая тетеря!

Тот наконец посмотрел.

Позиции ополченцев как будто распахало громадным плугом. Одна из противотанковых пушек исчезла. Перед тем местом, где расположился второй артвзвод, полыхал, утопив рыло в земле, сбитый штурмовик. От его изувеченного корпуса шел жирный дым, свивавший кольца, точно рассерженный удав. А по полю перед окопами уже катились грязно-бурые короба танков – то ли выкрашенные в защитные цвета, то ли просто чумазные после долгого марша.

Рэм всмотрелся в силуэты этих коробов и зло выругался.

– Опять, массаракш, худшее из возможного!

– Почему – худшее?

– А, прочистило уши?

– Прочистило. Так почему – худшее?

– Ты погляди на них, погляди, может, сам сообразишь.

Фильш какое-то время тарачил глаза, а потом развел руками:

– Какие-то здоровые, горбатые... в чем дело-то?

– Да в том, что наши пукалки такую броню не пробьют.

– Чего ты так сразу решил – не пробьют? Может, очень даже пробьют. Подберемся поближе и вдарим как следует! Мы по-пластунски к ним, сбоку! Когда он борт откроет, мы ему – р-раз! Влупим, куда надо, и конец ему, громиле. Да мы любую броню...

«Все, болтунчик разобрал. Вот с-собака!»

– Заткнись.

– Да почему это сразу – заткнись? Невежливо вот так, перед сражением, боевого товарища...

Рэм опять поднес кулак к Фильшеву носу.

– Заткнись, иначе я не их, а тебя тут пристрелю. Прямо из «Дурехи». Чтобы надежнее.

– Да как ты можешь, Рэм! Мы с тобой, можно сказать, в одной связке, как альпинисты на смертельно опасной тропе...

Рэм молча врезал ему по зубам прикладом. Несильно. Челюсти «боевого товарища» лязгнули, кровь пошла из прикушенной губы, Фильш замолчал. Успокоился. На время.

Рэм взял его за локоть и подтащил к развороченной насыпи.

– Идем, боевой товарищ...

Рэм со вчерашнего вечера готовился к визиту вражеских танков, закладываясь даже на самый поганый случай. Он и явился, лязгая гусеницами. Ну, попытаем счастья...

На их позиции, искалеченные бомбами, двигались три бронированных жука, и у каждого – по три горба, расположенных по продольной оси, по три то есть башни. Из средней, самой мощной, выходил длинный орудийный ствол с набалдашником. Под ним располагалась передняя башня с крупнокалиберным пулеметом, приземистая, словно пенек от дерева, срубленного под корень. А сзади – там, где двигательный отсек, – третья башня, оборудованная легким пулеметом, охраняла танк от нападений с тыла. Три тяжелых танка «Ураган» на пестрое воинство ополченцев – это очень много. Всякий сколько-нибудь опытный истребитель знал – пробить броню «Урагана» из ружья любой системы можно лишь чисто теоретически. Либо с ничтожной дистанции, либо поразив какое-нибудь уязвимое место размером в мелкую монетку... И вот такая, зараза, особенность: ни один «Ураган» не остановится и не предложит со всей любезностью подойти и отыскать подходящую уязвимость.

У танкового «трезубца» южан имелись все возможности пройти сквозь позиции ополченцев, не сделав ни единого выстрела. Просто гусеницами раздавить сколько угодно взводов, стоящих на пути... Маленький шанс ополченцам давали два обстоятельства: во-первых, истребители видели войну, знали войну и кое-чему научились; во-вторых, прорыв одних танков ничего не стоил, а пехоту им еще надо было протащить за собой, и такой «груз» умелые люди знают, как «отцепить».

Пехота южан обязана была следовать за танками на изрядной дистанции, рассыпавшись, по уставу, в жидкую цепь. Но эти пехотинцы, как видно, порядком устали. И они, наплевав на устав, а заодно и на ор офицеров, сгучились за бронированными плечищами танков. «Очень хорошо, – отметил Рэм – Инстинкт самосохранения столкнулся с разумом и победил. Ну, артиллеристы и пулеметчики их еще накажут за такую дурость».

– А это еще что такое? – спросил Фильш, показывая пальцем на невнятное мельтешение далеко за спинами пехоты.

– Это охотники за нашими с тобой головами. Броневики и самоходка.

Как обычно. Впрочем, иногда федераты ставят сзади танкетки или бронетранспортеры. Но в ста случаях из ста идущие впереди танки пробивают дорогу для пехоты, а легкая бронетехника в тылу охраняет танки от истребителей.

«Вот как. По нам сегодня работает мощный пулемет – тот, что на броневику, да еще армейская полевая пушка, поставленная за низеньким бронещитом на самоходке. Поищите нас, ребята... прямо здесь».

– Патрон!

Догх! – послушно отозвалась «Дурехи», когда он нажал на спусковой крючок. Пуля ушла к ближайшему танку, чтобы ударить его с дистанции метров пятьсот, расплющиться и беспомощно упасть на землю.

– Патрон, Гай!

Догх!

Танки начали плеваться огнем Из-за окопов рывкнула пушка. Скороговоркой затараторили пулеметы. Посыпался винтовочный горох. Та-тах! Та-тах! Та-тах!

Так! Кто-то положил снаряд прямо за «Ураган», ехавший впереди прочих, – в кучу вражеских пехотинцев.

– Там сейчас салат... – пробормотал Рэм.

– Что?

– Патрон!

Догх!

– Теперь валим отсюда.

– А...

– Быстро!

Пряча головы, они побежали на вторую огневую позицию.

– Ты не попал в него? Ты что, не попал? – орал сзади Фильш. По всему видно, болтунчик как схватил его, так и не отпускает.

– Попал.

– И что? И почему он? Он же остановиться должен!

– Он не должен. Ему моя пулька – по хрен... – с досадой ответил Рэм.

Вот еще ему встать здесь, посреди траншеи, и начать разъяснение непонятливым. Рассказать, что на такой дистанции ты можешь гвоздить сколько угодно, а «скорлупу» тяжелого трехбашенника не пробьешь ни при каких обстоятельствах. Втолковывать, что если даже ты чудом пробьешь ее с дистанции раз в пять меньшей, то действие твоей пули после пробоя, может стать, будет убийственным – в самом прямом смысле этого слова, а может и просто никаким Ну не заденет она там ничего важного, не войдет ни в чью плоть! «Остановиться должен...»

Добираясь до второй позиции, Рэм с Фильшем вернулись к передовой линии окопов, пробежали по ней еще шагов тридцать и оказались перед узкой щелью. Ее пятеро ополченцев, ругаясь на чем свет стоит, рыли под прямым и непосредственным руководством Рэма. А потом с удивлением наблюдали, как он накрывает щель дощечками от патронных ящиков и маскирует квадратиками дерна, аккуратно вырубленными лопатой в другом месте.

Они протиснулись по щели к ячейке, не прикрытой никакой насыпью, да и вообще ничем не выделяющейся, если смотреть со стороны. Просто сплошной слой кромсанного дерна...

Рэм аккуратно разобрал дощечки, отбросил комья земли и травы, выглянул наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.